

Своеобразный, красиво написанный роман,
такой же насыщенный и опьяняющий, как ямайский
черный торт, вынесенный в название...

Good Housekeeping

ЧЕРНЫЙ

ТОРТ

роман

ШАРМЕЙН

УИЛКЕРСОН

Азбука-бестселлер

Шармейн Уилкерсон

Черный торт

«Азбука-Аттикус»

2022

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Уилкерсон Ш.

Черный торт / Ш. Уилкерсон — «Азбука-Аттикус»,
2022 — (Азбука-бестселлер)

ISBN 978-5-389-21823-9

В детстве Байрон и Бенни были неразлучны, однако, повзрослев, брат и сестра не только отдалились друг от друга, но и вообще перестали общаться. Впервые за восемь лет они встречаются на похоронах Элинор, их матери, которая вместе с завещанием оставила им в наследство испеченный ею черный торт, символизирующий в их семье счастье и любовь, – оставила в надежде, что Байрон и Бенни сумеют преодолеть разногласия и восстановить былую дружбу. А еще – аудиозапись, так как повзрослевшие дети должны наконец узнать скрываемую много лет правду о своей семье, о своем происхождении и о том, что у них есть сестра... Дебютный роман Шармейн Уилкерсон – это эмоционально и красиво написанный рассказ о семье, жизнь которой навсегда изменилась в результате выбора, сделанного Элинор в юности. Впервые на русском языке!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-21823-9

© Уилкерсон Ш., 2022
© Азбука-Аттикус, 2022

Содержание

Пролог	6
Тогда	6
Часть первая	7
Сейчас	7
Бенни	7
Послание	8
Б и Б	8
Бенни	9
Запись	10
Возвращение домой	11
Байрон	13
Мистер Митч	14
Байрон	14
Сестра	16
Тогда	17
Кови	17
Лин	18
Бухта	21
Кови и Гиббс	23
Лин	26
Шторм	27
Пожар	28
Лин	31
Сейчас	32
Частичка дома	32
Тоска по дому	34
Байрон	36
Байрон и Бенни	37
Потерянные	39
Как добиться отчисления из колледжа	40
О чем не говорят вслух	40
Беннетты	42
Байрон в телевизоре	43
Байрон	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Шармейн Уилкерсон

Черный торт

Моим родителям. Всем четверым

Charmaine Wilkerson
BLACK CAKE

Copyright © 2022 by Charmaine Rose Wilkerson-Amendell This edition published by arrangement with Madeleine Milburn Ltd and The Van Lear Agency LLC
All rights reserved

© И. В. Иванченко, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

Пролог

Тогда

1965 год

Ему следовало знать, что этим все кончится. Мог бы догадаться в тот день, когда его черномазая жена сбежала из дому. Или когда увидел, как дочь плавает в бухте во время шторма. Да что там, раньше надо было переживать – когда родители притащили его на этот остров и поменяли свои имена!.. Сейчас он стоял у кромки воды, глядя, как волны, обрушиваясь на скалы, превращаются в белую пену. Ему остается только ждать, когда море вынесет на берег тело дочери.

Его поманила к себе офицер полиции. Прежде ему никогда не встречались женщины-полицейские. Она держала в руке ворох белой ткани – свадебное платье, испачканное черным бисквитом и сиреневой сахарной глазурью. Вероятно, дочь, выскакивая из-за стола, уронила на колени кусок торта. Вспомнился этот момент: звяканье тарелок, звон разбившегося о плиточный пол стекла, чьи-то крики. Он тогда посмотрел в сторону дочери, но она уже исчезла, и лишь на лужайке у дома, как опрокинувшиеся крошечные лодки, остались лежать атласные туфельки.

Часть первая

Сейчас

2018 год

Она здесь.

Байрон слышит, как открывается дверь лифта. Его первое побуждение – броситься к сестре и обнять ее. Но когда Бенни делает к нему шаг, Байрон отталкивает ее и, повернувшись, стучит в дверь кабинета адвоката. Почувствовав, как Бенни прикасается к его плечу, он стряхивает ее руку. Сестра застывает с открытым ртом. Молчит. Да и есть ли у нее право вообще что-то говорить? Байрон восемь лет не видел Бенни. А теперь вот мама ушла навсегда...

Спрашивается, чего ожидала Бенни? У нее был конфликт с семьей, переросший в холодную войну. Все эти разговоры о социальном отторжении, дискриминации и тому подобном не имеют значения. Байрон считает, что, с какими бы проблемами ни сталкивался человек в этом мире, он найдет у кого-то понимание. Тем более времена меняются. Недавно он даже прочел очерк о людях вроде Бенни.

Люди вроде Бенни.

В очерке говорится, что зачастую их удел – одиночество. Но она не дожидается от Байрона сочувствия, нет. От такой роскоши Бенедетта Беннет отказалась несколько лет назад, отвернувшись от семьи, пусть она и утверждает, что все было как раз наоборот. На сей раз она, по крайней мере, явилась на похороны. Шесть лет назад в округе Лос-Анджелес Байрон с матерью сидели в церкви у гроба отца, напрасно ожидая Бенни. Позже Байрону показалось, что он видит сестру на заднем сиденье автомобиля, ехавшего через кладбище. С минуты на минуту она будет здесь, подумал он. Но Бенни так и не пришла. Он лишь получил от нее эсэмэску со словами: «Мои соболезнования». Потом молчание. Оно растянулось на месяцы. На годы.

И с каждым прошедшим годом слабела его уверенность в том, что в день похорон отца Бенни находилась где-то рядом и что у него вообще была сестра.

Что у него была круглолицая маленькая сестра с кудряшками, которая всюду ходила за ним по пятам.

Что она когда-то поддерживала его на общенациональных спортивных соревнованиях.

Что, взяв в руки свой докторский диплом, он услышал, как по конференц-залу проплыл ее голос.

Что прежде он хоть раз чувствовал себя таким. Осиротевшим и подавленным.

Бенни

Адвокат матери открывает дверь, и взгляд Бенни скользит мимо него, как будто она ожидает увидеть сидящую в кабинете мать. Но, кроме адвоката, здесь лишь Бенни и Байрон, и брат не хочет даже смотреть на нее.

Адвокат говорит что-то о письме матери, но Бенни не может сосредоточиться, она не сводит глаз с Байрона. Раньше она не замечала седины в его волосах. Что ж, ему сорок пять, не десять лет. И за все эти годы старший брат ни разу не толкнул ее, не ударил, даже в детстве, когда она могла наброситься на него и укусить, как щенок.

Первое воспоминание Бенни о Байроне: они сидят на диване, брат обнял ее за плечи и читает ей книгу о приключениях. Он уже большой; его ноги касаются пола. Байрон на минуту умолкает, чтобы взъерошить Бенни волосы, потереть ее за уши и за нос, и щекочет ее, пока она не начинает задыхаться от счастливого смеха.

Послание

Адвокат говорит, что мать оставила им сообщение. Адвоката зовут мистер Митч. Он разговаривает с Байроном и Бенни так, словно знает их всю жизнь, хотя Байрон припоминает, что раньше они встречались всего раз. Тогда мама попросила, чтобы он подвез ее: ей было трудно передвигаться по городу самостоятельно. Прошлой зимой с ней произошел несчастный случай, который, по уверению приятеля Байрона – Кабеля, таковым вовсе не являлся. Байрон проводил мать в кабинет мистера Митча, потом вернулся в машину, чтобы подождать ее. Он сидел в кабине, глядя, как по широкому темно-желтому тротуару между зданиями элитных сетевых магазинов гоняют на скейтбордах мальчишки. И тут в окно машины постучал полицейский.

Такого рода вещи происходили с Байроном во взрослой жизни настолько часто, что иногда он забывал нервничать. Но в большинстве случаев, когда к нему приближался полицейский или патруль останавливал его машину, он соскальзывал в пропасть между двумя ударами сердца, слыша, как по телу проносится кровь – этот поток, несущий с собой столетия истории и угрожающий смыть землю под ногами. А вслед за этим – его исследования, книги, выступления с докладами, стипендии, которые он намеревался учредить. Все это могло исчезнуть в долю секунды от глупого недоразумения.

Только минутой позже, когда полицейский открыл багажник своего патрульного автомобиля и вернулся с экземпляром последней книги Байрона («Нельзя ли получить автограф?»), он сообразил: взрослый мужчина, наблюдающий из машины за мальчиками предпоздкового возраста, катающимися по тротуару на скейтбордах, может вызвать обоснованное подозрение, какого бы цвета ни была его кожа. Ладно, он понимает: не всегда дело было в том, что он темнокожий. Хотя по большей части именно в этом.

– Позвольте предупредить вас, – говорит мистер Митч, – это касается вашей матери. Вы должны быть готовы.

Готовы?

К чему готовы? Их мать умерла.

Его мама.

Разве после этого что-то может иметь большое значение?

Б и Б

На столе стоит коробка с документами, отмеченная ярлыком «Имущество Элинор Беннет». Мистер Митч достает оттуда конверт из коричневой бумаги, надписанный рукой их матери, и кладет его перед Байроном. Бенни пододвигает свой стул ближе к Байрону, наклоняясь вперед, чтобы рассмотреть конверт. Байрон убирает со стола руку, но не конверт. Пусть Бенни прочтет. Их мать адресовала послание: «Б и Б». Этим прозвищем она пользовалась, когда обращалась к обоим письменно или устно.

Записки для Б и Б обычно прикреплялись магнитиками к дверце холодильника. «Б и Б, на плите стоит рис с горошком». «Б и Б, надеюсь вы оставили у двери свою обувь с песком». «Б и Б, мне нравятся мои новые серьги, спасибо вам!»

Мама называла их Байроном или Бенни, только когда разговаривала с каждым по отдельности. А когда была чем-то огорчена, называла Бенни Бенедеттой.

«Бенедетта, что с твоим табелем успеваемости?» «Бенедетта, не разговаривай с отцом в таком тоне». «Бенедетта, мне надо с тобой побеседовать».

«Бенедетта, пожалуйста, вернись домой».

Мистер Митч говорит, что мать оставила им письмо, но основной объем последнего послания содержится на аудиодиске, который она записывала более восьми часов на протяжении четырех дней.

– Приступайте, – кивая на конверт, говорит мистер Митч.

Байрон вскрывает конверт, вытряхивая на стол его содержимое – USB-накопитель и записку. Он вслух читает ее. Как это похоже на маму!

«Б и Б, в морозилке для вас оставлен маленький черный торт. Не выбрасывайте его».

Черный торт. Байрон невольно улыбается. Каждый год мама и папа, чтобы отметить годовщину свадьбы, угощались, бывало, черным тортом. Они говорили, что это не настоящий свадебный торт. Мама пекла новый однослойный торт раз в пять лет или около того и хранила его в морозильной камере. При этом она утверждала, что черный торт, должным образом пропитанный ромом и портвейном, мог бы сохраниться на протяжении всего их брака.

«Я хочу, чтобы вы сели рядом и угостились тортом, когда придет время. Вы узнаете когда».

Бенни прикрывает рот ладонью.

«С любовью, мама».

Бенни плачет.

Бенни

Бенни не плакала много лет. По крайней мере до прошлой недели, когда ее уволили с дневной работы в Нью-Йорке. Сначала она подумала, что босс разозлился, заметив, как Бенни пролистывает смартфон во время телефонного разговора с заказчиком. По правилам подобные вещи запрещались, но ей пришла эсэмэска от матери. Четыре слова, которые никак не шли у нее из головы.

По сути дела, это сообщение уже с месяц висело в голосовой почте, но в тот момент Бенни смотрела на свой мобильный, не зная, что делать. Она уже несколько лет не разговаривала с матерью. Бенни понимала, как это дурно с ее стороны. Но хорошо ли поступает мать, отдалившись от дочери, которая сильно в ней нуждается?

Долгие годы Бенни было проще устраняться от общения: не отвечать на редкие послания из дома, неуклонно игнорировать каждый день рождения и отмечать все праздники вдали от семьи, убеждая себя в том, что это форма самосохранения. В моменты слабости она доставала цифровую фоторамку, хранящуюся под альбомами в ящике письменного стола, и смотрела, как на экране одно за другим появляются улыбающиеся лица. Когда-то ей казалось, что они всегда будут рядом.

На одной из своих любимых фотографий Бенни снята вместе с Байроном и папой. Отец и сын держатся за руки, и оба в черных галстуках по случаю какого-то благотворительного мероприятия, или церемонии награждения, или встречи адвокатов, где ее отец часто выступал с кафедры. Даже Бенни находила, что сходство между всеми троими было поразительным, несмотря на то что с детства привыкла к этому факту. И по особому сиянию их глаз можно было заключить, кто фотографировал. Ее мама.

И вот теперь босс повысил на Бенни голос.

– Вы не выполняете свою работу! – отрезал он.

Бенни засунула телефон в карман кардигана.

– Ваша работа заключается в том, чтобы читать этот чертов текст, а не в том, чтобы по личной инициативе плодить социальные комментарии о долговечности бытовой электроники!

Ах это! Дело не в телефоне.

Пока Бенни соображала, к чему клонит босс, ее уволили.

Бенни вышла из колл-центра с сухими глазами, захватив с рабочего места лишь замызганную кофейную кружку с выщербленными краями и растрепанное комнатное растение. Бенни не могла припомнить его название, но оно никогда не подводило ее. Ему все было нипочем – недостаток влаги, флуоресцентные лампы, пропахший пластиком воздух офиса, ядовитый лексикон ее босса... Время от времени Бенни кончиками пальцев приподнимала крошечные стебельки растения и влажной тряпкой стирала с листьев пыль – вот и все, что ему требовалось.

Спустя добрую четверть часа до Бенни дошло, что она села не в тот автобус. Сойдя на следующей остановке, она очутилась перед старой кофейней, дверь которой была украшена гирляндами из искусственной сосны и бантами из синтетического бархата. Бенни даже не представляла, что подобные места еще сохранились в городе. При виде нанесенной на витрину имитации морозного узора, образующей надпись «С праздником», думая, что еще один год пройдет без собственной кофейни (хотя она была бы не такой китчевой), разглядывая в окне молодого отца, наклонившегося, чтобы застегнуть на ребенке сиреневый пуховик и заправить его темные волосы под капюшон, отороченный сиреневым мехом, Бенни расплакалась. Она никогда не любила сиреневый цвет.

Запись

Мистер Митч берет флешку с записью Элино́р Беннет и вставляет в настольный компьютер. Услышав голос матери, дети Элино́р наклоняются вперед. Мистер Митч старается выглядеть невозмутимо, дышит глубоко и размеренно. Это не личный вопрос, а профессиональный. Для членов семьи важно, чтобы их поверенный сохранял спокойствие.

«Б и Б, это записал для меня мистер Митч. У меня уже не такая твердая рука, а мне надо многое вам сказать. Я хотела поговорить с вами лично, но в данный момент не уверена, что смогу снова увидеть вас обоих вместе».

Бенни и Байрон ерзают на стульях.

«Вы упрямые дети, но вы у меня хорошие».

Мистер Митч уперся взглядом в лежащий на столе блокнот, но все же чувствует, как атмосфера в комнате накаляется. Спины напряжены, плечи развернуты.

«Б и Б, обещайте, что постараетесь поладить. Нельзя допустить, чтобы вы потеряли друг друга».

Бенни поднимается. *Приехали.* Мистер Митч ставит запись на паузу.

– Мне не обязательно это слушать, – говорит Бенни.

Мистер Митч кивает. Минуту переживает.

– Этого хотела ваша мать, – произносит он.

– Не могли бы вы сделать для меня копию этой записи? – спрашивает Бенни. – Будьте так добры. Я заберу копию с собой в Нью-Йорк.

– Ваша мать категорически настаивала на том, чтобы вы вместе прослушали всю запись в моем присутствии. Но знаете, нам необязательно оставаться в офисе. Если хотите, можем на этом прерваться, и я позже привезу запись в дом вашей матери. Согласны?

– Нет, – отвечает Байрон. – Я хочу услышать это сейчас.

Бенни бросает на Байрона сердитый взгляд, но он не смотрит на нее.

– Ваша мать была необычным человеком, – говорит мистер Митч. – Нам необходимо прослушать это вместе, так что я буду рад продолжить, как только вы будете готовы. – Он открывает свое расписание. – Я мог бы приехать к вам домой сегодня вечером или завтра утром.

– Не понимаю, какое значение это теперь имеет для мамы, – произносит Бенни.

Продолжая стоять, она строго взирает сверху вниз на мистера Митча, но на слове «мама» чуть запинаясь, и ее голос звучит надтреснуто.

– Полагаю, это имеет значение для вас и вашего брата, – замечает мистер Митч. – Есть вещи, о которых, по мнению вашей матери, вы должны услышать немедленно, о которых вам надлежит знать.

Бенни опускает голову, потом с шумом выдыхает.

– Лучше сегодня вечером, – говорит она. – Я уеду из города сразу после похорон.

Бенни вновь бросает взгляд на Байрона, но тот упорно смотрит в стол. Не попрощавшись, она идет к двери, и в такт шагам колышется копна ее светлых курчавых волос. Открыв дверь приемной, Бенни выходит в полутемный коридор.

Мистер Митч слышит из конца коридора слабое позвякивание лифта, и Байрон поднимается со стула.

– Что ж, думаю, мы увидимся позже, – говорит Байрон. – Благодарю вас.

Мистер Митч встает и пожимает ему руку. Звонит телефон Байрона, и на пороге он подносит телефон к уху. Было время, думает мистер Митч, когда Байрон, тогда еще мальчишка, слонялся по взморью, прижимая к уху найденную раковину моллюска, а не телефон.

«Мой сын слушает море, чтобы заработать себе на жизнь, разве не понимаете?» – однажды сказала Элинор мистеру Митчу.

Это было в те дни, когда еще был жив ее муж Берг и они встретились на вечеринке у одного адвоката.

«Это на самом деле работа!» – язвительно заметил тогда Берг.

Они на пару подшучивали над увлечением сына. Им было весело вместе.

Может быть, когда все это кончится, мистер Митч сумеет расспросить Байрона о его последнем проекте, об институте, в котором он работает, занимаясь составлением карты морского дна. Мистер Митч полагает, что океаны таят в себе много загадок. А как насчет человеческой жизни? Можно ли составить карту жизни? Провести на ней границы, которые люди воздвигают между собой. Обозначить рубцы, остающиеся в глубинах человеческого сердца. Что ответит на эти вопросы Байрон, когда они с сестрой прослушают послание матери?

Возвращение домой

Бенни входит в дом матери через заднюю дверь и останавливается в кухне, прислушиваясь. Ей чудятся голос матери и собственный смех, она ощущает запах гвоздики, но видит лишь кухонное полотенце на спинке стула и два флакона с таблетками на столешнице. Никаких признаков присутствия Байрона. Она идет в гостиную. Даже в этот час комната освещена мягким светом. Здесь по-прежнему стоит отцовское кресло с голубой, вытертой на сиденье обивкой; в нем любил сидеть Берг Беннет. Когда Бенни видела его последний раз, он встал с этого кресла и, повернувшись к ней спиной, вышел из комнаты.

Трудно поверить, что это было восемь лет назад.

В тот раз Бенни попыталась объяснить с родителями. В большом смущении сидела она рядом с отцом. В конце концов, кому понравится говорить с родителями о сексе? Хотя речь шла не только о сексе, но и о более важных вещах. Бенни очень долго готовилась к этому разговору, и он дался ей нелегко.

Бенни вспоминает, как в тот день с восхищением поглаживала диванную обивку из тисненого бархата. Все годы, пока Бенни с Байроном росли, и долгое время после этого мать закрывала сиденье дивана пластиковым чехлом. Тогда Бенни впервые увидела диван без чехла. Она никак не могла уразуметь, как он может быть таким мягким и в то же время ребристым.

«Просто мы проснулись однажды утром и поняли, что не будем жить вечно, – дотрагиваясь до дивана, сказала мать. – Пришло время получать удовольствие».

Улыбнувшись, Бенни потрепала, как мягкую игрушку, сиденье рядом с собой. Диван, по правде говоря, был довольно безобразным, ворс медного оттенка холодно поблескивал на свету, зато, когда отец повышал голос, одно только прикосновение к обивке помогало Бенни успокоиться.

Когда она была маленькой, мама и папа утверждали, что она сможет стать кем пожелает. Но по мере того как она выросла, они стали говорить что-то вроде: «Мы многим жертвовали, чтобы у тебя было все самое лучшее». А это подразумевало лучшее для Бенни, по их мнению, а не то, чего хотела она сама. То есть то лучшее, что для Бенни, очевидно, таковым не являлось. Например, она отказалась от обучения в престижном университете и пошла на курсы кулинарии и живописи. Работала в сомнительных местах в надежде открыть свое кафе. А личная жизнь Бенни? Это определенно их не устраивало.

И вот Бенни подходит к дивану и садится рядом с пустым креслом отца, положив руку на подлокотник. Подавшись вперед, она вдыхает запах потертой обивки, силясь различить душок масла для волос, которым пользовался отец, – то зеленоватое старомодное зелье, подходящее, пожалуй, разве что для заправки пикапа. Бенни отдала бы все на свете, лишь бы сейчас родители сидели здесь, в своих любимых креслах. И пусть бы они относились к дочери с прежним непониманием, не важно.

Бенни помимо воли улыбается, вспоминая некоторые эпизоды прошлого. Мать, взгромоздившись на подлокотник этого дивана, смотрит MTV вместе с Бенни и ее подружками-подростками, а Бенни все ждет, когда же мама вспомнит про взрослые дела и куда-нибудь свалит. Как ей казалось, мама всегда отличалась от других матерей. Очень спортивная, она немного разбиралась в математике и да, обожала поп-клипы. Музыкальные пристрастия матери слегка обескураживали тринадцатилетнюю Бенни. Похоже, мама всегда все делала по-своему. За исключением того, что касалось отца Бенни.

Гудит телефон Бенни. Это Стив. Он оставил ей голосовое сообщение. Он слышал новость. Как жаль, говорит он, хотя они и не были знакомы с ее мамой. Он думает, а не встретиться ли им, когда Бенни вернется на Восточное побережье? У Стива низкий и мягкий голос, и Бенни чувствует, как по ногам у нее бегут мурашки – в точности так, как было в последний раз, когда он позвонил.

Бенни и Стив. Их лихорадит уже много лет. Каждый раз Бенни обещает себе: все, с этим покончено! Она никогда не перезванивает ему. Но рано или поздно наступает момент, когда она в конце концов отвечает на телефонные звонки Стива, когда Стив заставляет ее смеяться, когда она соглашается встретиться с ним.

Смех Стива, голос Стива, его прикосновения. Несколько лет назад все это помогло Бенни пережить болезненный разрыв с Джоани. В свое время она последовала за Джоани из Аризоны в Нью-Йорк, хотя позже признавалась себе: Джоани не давала ей ни малейшего повода думать, что они снова будут вместе.

Несколько месяцев спустя, когда Бенни, уставившись в пол, стояла в музыкальном отделе книжного магазина в Мидтауне, к ней подошел Стив. Он помахал пальцами перед лицом Бенни, и она подняла взгляд на этого видного парня с широкой улыбкой. Он указал на свои наушники и, подняв брови, кивнул на консоль, к которой подключилась Бенни. Она тоже улыбнулась и кивнула. Стив воткнул свои наушники в соседний разъем и при звуках музыки закивал, негромко смеясь.

Они вместе вышли на мокрые от дождя улицы. Бенни вдруг подумала: она, наверное, пока не утратила всего того, что однажды разглядела в ней Джоани, и возможно, кто-то еще различит в ней эти качества. Пройдет какое-то время, прежде чем Бенни осознает, что с ее

новым любовником Стивом, меломаном и яхтсменом, она чувствует себя не только желанной. Она чувствует себя в опасности.

Байрон

Байрон знает, что впереди еще полно дел и надо кое-что обсудить, но в данный момент не настроен общаться с сестрой. Организация похорон закончена. Байрон позаботился об этом, дожидаясь, пока Бенни прилетит в Калифорнию, а с остальным можно повременить. Закутавшись шарфом до подбородка и глядя на волны, Байрон сидит на террасе своего дома. Он останется здесь как можно дольше, а потом вернется в дом матери.

Он долго страдал от отсутствия Бенни, но теперь, когда она наконец приехала, вместо облегчения он испытывает негодование. Сложись их отношения по-другому, Бенни сейчас сидела бы рядом. Вероятно, рисовала бы что-нибудь в одном из своих альбомов. У него сохранился тот дурацкий набросок, который сестра сделала на берегу, когда Байрон катался на серфе и без конца падал, дрыгая ногами в воздухе. Он так долго копил в себе обиду на Бенни, что даже не стал сообщать ей о болезни матери. А потом уже было поздно. Он собирался позвонить ей, пока не случилось неизбежное, – действительно собирался. Он понимал, что время поджимает. Но не думал, что все произойдет так быстро.

В прошлую пятницу Байрон вошел в дом и, еще ничего не увидев, почувствовал, что матери больше нет. Он нашел ее на пороге кухни, на полу в коридоре. Врач потом сказал, что такое бывает: случается внезапный приступ и он оказывается смертельным. Это могло произойти с человеком, организм которого боролся с каким-то жестоким недугом. Последнее время мама, как правило, была еще в состоянии самостоятельно встать с кровати, ополоснуть лицо, налить себе стакан воды, пусть дрожащими руками, включить по телевизору какую-нибудь музыку, пока, обессилив, не ложилась на диван.

Обхватив мать за голову и плечи и прижимая к груди ее холодное лицо, Байрон подумал о Бенни, о том, как сообщит сестре о случившемся, и на него вновь накатила волна горя, которое вскоре постигнет и Бенни. Поначалу он не мог даже найти нужных слов.

«Бенни, Бенни...» – подняв телефонную трубку, только и сказал он. Потом умолк, у него перехватило горло. В отдалении слышался шум. Музыка, чей-то говор, звяканье тарелок. Ресторанные звуки.

Прорезался голос Бенни: «Байрон? Байрон?»

«Бенни, я...»

Но она уже поняла. «О нет, Байрон!»

Сообщив новость сестре, Байрон повесил трубку, после чего принялся обдумывать, какие еще звонки предстоит сделать, о чем договориться. Вспоминая уход отца, он думал о том, как далека от них была Бенни все эти годы, и чувствовал, как в нем вновь вскипает обида на сестру.

Черт побери, Бенни!

И вот, подъезжая к дому матери, он видит на дорожке машину из проката.

Бенни.

Байрон входит в дом через кухню, рывками сбрасывает ботинки и, прислушиваясь, замирает на месте. Тишина. Затем шагает по коридору, заглядывает через окно на задний двор, потом в прежнюю комнату Бенни. Ее нигде нет.

Ну конечно.

Он направляется в спальню родителей. Вот она, лежит посреди кровати, как гигантский яичный ролл, завернувшись в стеганое ватное одеяло и чуть слышно похрапывая. Она, бывало, делала так в детстве – вскакивала на кровать между мамой и папой, стаскивала с папы одеяло и заворачивалась в него. «Бенни-ролл!» Папа всякий раз вопил, словно она не делала одно и

то же каждое воскресное утро. Таков был способ Бенни развеселить всех, привести в хорошее расположение духа. Но ничего этого уже давно нет.

На Байрона вновь накатывает это чувство. Злость. Хочется броситься к кровати и растолкать Бенни. Но в следующую секунду ему просто становится грустно. Гудит телефон. Байрон опускает взгляд. Напоминание о том, что сейчас придет мистер Митч.

Мистер Митч

В дом входит мистер Митч, и Бенедетта, обменявшись с ним рукопожатиями, забирает у него куртку. Байрон приносит из кухни чашки с кофе и крекеры и отключает телефонную линию матери. Дети Элинор по-прежнему не разговаривают друг с другом, но сейчас дочь не кажется такой раздраженной, как раньше. Мистер Митч опять поражен тем, насколько дети Элинор похожи на своего отца, только у одного кожа цвета красного дерева, у другой – цвета мокрой соломы. В этот момент оба немного напоминают строптивых малышей – красивые головы подняты, уголки губ обиженно опущены.

Бенедетта устраивается на диване, прижимая к животу диванную подушку. Несмотря на свой шестифутовый рост, она опять напоминает ему ребенка. Мистер Митч удивлен, что женщина столь царственного вида может производить такое впечатление. Байрон наклоняется вперед, оперев локти в колени. Мистер Митч открывает ноутбук и отыскивает аудиофайл. Они действительно не понимают, да? Они думают, это все про них. Он нажимает кнопку воспроизведения.

Байрон

Звук материнского голоса разрывает его сердце.

«Б и Б, дети мои...»

Звук ее голоса.

«Пожалуйста, простите меня за то, что не рассказывала об этом раньше. Когда я была в вашем возрасте, все было по-другому. Все было по-другому для женщин, в особенности если вы с островов».

Родители Байрона всегда говорили «острова», словно это единственные в мире острова. В мировом океане насчитывается приблизительно две тысячи островов, не говоря уже о миллионах других клочков суши, окруженных морями и прочими водоемами.

Байрон слышит, как мать останавливается, чтобы перевести дух. Он сжимает кулаки. «Б и Б, я собиралась спокойно посидеть с вами и кое-что объяснить, но у меня не хватает времени, а я не вправе уйти, не рассказав вам, как все это произошло».

– Как *что* произошло? – не понимает Бенни.

Мистер Митч, прикоснувшись к клавишам ноутбука, ставит запись на паузу.

Байрон качает головой. Ничего с ними никогда не происходило, совершенно ничего. А для темнокожей семьи из Америки это о многом говорит. Пока не умерли родители, их единственной настоящей семейной драмой была Бенни, доводившая маму и папу тем, что старалась посвятить их в детали своей личной жизни. Разве не могла она в том году просто привести домой свою подружку, чтобы родители понемногу свыклись с мыслью об этом? А на следующий год начала бы встречаться с каким-нибудь парнем, объяснив им, что «переключилась». Родители справились бы с этим. Привыкли бы в конце концов.

Но нет, Бенни есть Бенни. Она всегда требовала к себе внимания, всегда искала одобрения – начиная с учебы в колледже. Она не была больше его покладистой младшей сестренкой. Бенни превратилась в человека, не оставляющего пространства для диалога. Ты либо с ней, либо против нее. Если бы Байрон так себя вел, если бы Байрон уходил всякий раз, когда с ним

кто-то не соглашался, не одобрял его немедленно, обращался с ним несправедливо, где бы он был сейчас?

Нет, Байрону грех жаловаться. Он любит свою работу, он рожден, чтобы стать океанологом. Он чертовски в этом преуспел, пусть даже его и не избрали на пост директора института. Во всяком случае, благодаря своим публичным выступлениям, книгам и консультациям при выпуске фильмов он зарабатывает гораздо больше, чем получал бы на должности директора. Фактически в три раза больше, но он предпочитает, чтобы об этом знал лишь налоговый инспектор.

У Байрона нет намерения становиться любимцем афроамериканских социальных медиа в области океанологии, но он собирается извлечь из этого всю возможную выгоду. Он просто-напросто снова подал заявление на пост директора, хотя знает, что его коллега Марк тоже надеется занять эту должность.

Не исключено, думает Байрон, что он услышит от учредителей все те же старые доводы. Доводы о том, что Байрон нужен центру *там* в качестве представителя, что Байрон привлек беспрецедентное внимание к работе института, что помог получить дополнительное финансирование и завоевать солидный авторитет на международных совещаниях.

В прошлый раз Байрон опроверг эти аргументы, нацепив на лицо свою лучшую улыбку командного игрока и заявив, что в состоянии помочь центру в усовершенствовании методов, находясь в рабочем офисе. После этого неприятного разговора он вышел из комнаты несколько развязной походкой – чтобы показать, что их решение его не волнует.

Итак, еще одна попытка. Если институт не предоставит ему большей свободы в организационных делах, то он продолжит поиски других способов усиления своего влияния. Именно Байрона пригласили рассказать на телевидении о подводном вулкане в Индонезии. Именно Байрона попросили сделать доклад об этом на конференции в Стокгольме. Ему звонили японцы по поводу проекта по составлению карты морского дна. Его фотографировали с двумя президентами, а не так давно действующий президент представил его как яркий пример воплощения «американской мечты». Примерно в то же время девушка, с которой он встречался, назвала его самовлюбленным и разорвала с ним отношения.

«Не такой пример для подражания нужен моим детям!» Эти слова Линетт выкрикнула Байрону в их последний вечер. Право, более обидных слов женщина не могла бы сказать мужчине. Он даже не знал, что Линетт задумывалась о детях.

Линетт, по сути, мало что понимала. Если вас приглашают в Белый дом, вы просто идете независимо от того, кто сидит в Овальном кабинете. Ведь вам представилась еще одна возможность выступить в поддержку важных идей. Высказаться против сокращения финансирования исследований и за расширение доступа к качественному образованию в области естественных наук. У темнокожего появился еще один шанс сесть за стол переговоров с лицами, принимающими решения, вместо того чтобы вздрагивать от оскорблений. Вместо того чтобы стоять за очередной закрытой дверью.

Но Линетт не соглашалась. Похоже, до нее не доходило, какие барьеры ему приходится брать, чтобы его заметили и услышали в этом мире. А вот мать это понимала.

«На что ты готов пойти? – однажды спросила она, когда он признался, что его затирают кое-какие ребята из средней школы. – Разве ты делаешь что-то не так, Байрон? Думаешь, тебе не по зубам показать идеальный результат в этом тесте? Думаешь, твою работу не оценят? Хочешь жить по чужой указке, чтобы другие решали, каким ты должен быть и что тебе надо делать? Считаешь этих парней своими настоящими друзьями?»

В глазах матери появился тот блеск, который Байрон замечал всякий раз, когда она стояла на морском берегу.

«Итак, что ты собираешься делать? – спросила она. – Ты готов кого-то отпустить?»

Как бы то ни было, Байрон не собирался отпускать Линетт. Это она отпустила его. Будь его воля, он и сейчас держался бы за нее. Но она сделала свой выбор, и не в характере Байрона было унижаться. Этого Линетт тоже не понимала. Ей не приходило в голову, что Байрон не мог себе это позволить.

С Линетт все вышло очень странно. Байрон в свое время решил не путать личную жизнь с работой. На протяжении многих лет ему удавалось придерживаться этого правила. Он знал кучу парней, которые не парились по этому поводу, но, даже отбрасывая проблемы карьерного роста и харассмента, перспективы всяких осложнений его отпугивали. И конечно, это грозило одиночеством.

Все свое время он посвящал расчетам, посещению конференций, написанию научных статей, а в начале карьеры – длительным экспедициям по картированию морского дна. Позже – книги и публичные выступления. Аэропорты и гостиничные номера. Где мог мужчина вроде него завязывать знакомства, длящиеся больше одной ночи?

Кабель, непрошенный советчик Байрона по всем вопросам, рекомендовал знакомиться по Интернету. Ну да, именно так он нашел себе жену. Тут Кабелю повезло. Но где было Байрону найти время на штудирование всех этих описаний и организацию всех этих встреч с новыми людьми? Байрон постоянно встречался с новыми людьми, проблема была не в этом.

И вдруг появилась Линетт.

– Извините. – Голос Бенни прерывает поток воспоминаний Байрона. – Извините, мистер Митч, – махнув рукой, повторяет она, – можем продолжать.

Мистер Митч включает запись.

«Дети, вы должны узнать о своей семье, о наших корнях, о том, как я в действительности познакомилась с вашим отцом. Вы должны узнать о своей сестре».

Бенни и Байрон переглядываются, открыв рот.

«Б и Б, я знаю, это для вас шок. Просто запаситесь терпением и дайте мне все объяснить».

Байрон и Бенни смотрят на мистера Митча, одновременно произнося одно и то же слово. *Сестра?*

Сестра

Сестра? Что это значит? Что с ней случилось? Они с Байроном говорят одновременно, на разные лады задавая, по существу, один и тот же вопрос: «Как такое могло быть?»

Мистер Митч качает головой, настаивая на том, чтобы Бенни и Байрон сначала прослушали всю запись, как просила мать. Он указывает подбородком на ноутбук. Бенни вглядывается в лицо брата, в его большие темные глаза, так похожие и на глаза папы, и на ее собственные. Она вспоминает моменты, проведенные вместе с Байроном, – как они бегали по берегу моря или корчили друг другу рожицы через обеденный стол, как Бенни корпела над домашним заданием по математике, а рядом с ней сидел Байрон, объясняя задачки. И все это время у них была сестра, а они о ней ни сном ни духом?..

Невероятно, что они не знали об этом! Мама и папа были женаты целую вечность, и отец однажды сказал Бенни, что они с мамой после рождения первенца надеялись иметь еще детей, но поначалу у них был только Байрон. Лишь спустя несколько лет появилась Бенни, и они не уставали любоваться ее пухлым крохотным тельцем и умиляться при виде ее простодушной улыбки.

«У тебя с самого начала была мамина улыбка, как и у твоего брата», – ущипнув Бенни за подбородок, сказал как-то папа.

Пожалуй, рот был единственным, чего она не унаследовала от отца. Да, и еще светлая кожа.

Бенни всегда считала, что родители созданы друг для друга. У них было много общего – оба из Карибского региона, оба сироты, оба иммигрировали в Британию, после чего вместе переехали в Соединенные Штаты. Но самое главное заключалось в другом. Они часто повторяли, что это была любовь с первого взгляда, – ведь некоторым людям суждено встретиться, несмотря ни на какие обстоятельства.

«Я показался вашей матери таким красавчиком, – шутил, бывало, папа, – что это сразило ее наповал».

Об их встрече дети слышали, и не раз. Однажды в Лондоне Берт Беннет увидел, как девушка споткнулась на улице, успел подхватить ее, узнал, что ее зовут Элинор Дуглас, а остальное, как говорится, уже история. Иногда, рассказывая об этом случае, папа наклонялся к маме и терся носом о ее нос, вот так. Поцелуй носами. Разве в наше время кто-то так влюбляется? Без колебаний, без страха? Или все прочие похожи на Бенни?

Неужели каждая семейная пара хранит от детей столь важные секреты?

Тогда

Б и Б, я понимаю, что должна объяснить, почему вы ничего об этом не знали. Но имеет смысл начать с самого начала. Дело не только в вашей сестре. Это касается и других людей, так что наберитесь терпения. Все это связано с островом и с теми событиями, что произошли там более пятидесяти лет назад. И прежде всего вам предстоит узнать о девочке по имени Кови.

Кови родилась в городке на берегу глубокой морской бухты, насыщенный синий цвет которой ближе к побережью переходил в бирюзовый. И чем взрослее становилась Кови, тем труднее ей было находиться вдали от воды. Когда она была маленькой, отец ставил ее на свои плечи в бассейне и бросал в глубину. Но именно мать научила ее скользить на серфе по прибойной волне, и это определило судьбу девочки.

Наверное, вы сейчас думаете о тех красивых карибских пляжах со спокойной водой, где можно, посмотрев вниз, увидеть рыб, кружащихся вокруг ваших ног. Да, такие места там тоже были, но Кови росла в краю серфинга. На некоторых пляжах волны могли утянуть вас вглубь, если вы не умели управлять своим телом. Любимое место ее матери было именно таким. Неподходящее место для ребенка, как говаривал ее отец, но мать тем не менее приводила ее туда. Так что Кови росла сильной. И эта сила понадобилась ей, когда все пошло вразнос.

Кови

Даже под самый конец работы у женщин не пропадала охота смеяться.

Раз, поворот, и два, поворот, и три...

Для Кови это были любимые дни, когда занятия в школе заканчивались и она могла, сбросив туфли, усесться в кухне с женщинами. Они включали радио и слушали калипсо и рокабилли¹. Отвинчивали крышку с банки фруктов, пропитанных ромом и портвейном, и в голову ударял пряный аромат. Легкий ветерок, напоенный запахом трав и солью, проникал сквозь жалюзи, охлаждая вспотевшие шеи. Сплетни шепотом, взрывы смеха.

Мать Кови и ее помощница по хозяйству Перл занимались небольшим, но популярным бизнесом по изготовлению тортов. Большинство знакомых состояли в гражданском браке, как и родители Кови, но уважением пользовались законные союзы, и обеспеченные люди всегда

¹ *Калипсо* и *рокабилли* – афрокарибский музыкальный стиль и разновидность рок-н-ролла соответственно. – *Здесь и далее примеч. перев.*

планировали свадьбу. В подобных случаях обязательным был черный торт. Тут-то и принимались за дело мама и Перл.

Мама часто смеялась, когда готовила черный торт. Всегда наступал момент, когда она не могла больше противиться магии музыки, звучащей по радио.

«Давай-ка, Перл», – скажет, бывало, она. Но танцы не сильно занимали помощницу.

Перл сдержанно улыбнется и начнет покачивать головой в такт музыке, а мама поднимет испачканную во взбитом жидком тесте лопаточку, ритмично размахивая ей, подступит к Кови, а затем отступит, хватая дочь за руку. *Та-ди-да, ди-да*, запоем она под музыку. Она увлечет Кови за собой в этом скользящем движении, и они закружатся по столовой, распространяя запахи жженого сахарного песка, растопленного сливочного масла и помады для волос.

Перл нравилось иногда пожурить маму.

«Мисс Матильда, – скажет она так, словно бранит Кови, а не обращается к своей нанимательнице, – знаете, эти торты не готовятся сами собой!»

В те времена, когда Кови была маленькой, мама порой танцевала с папой на заднем дворе. Это происходило вечерами, когда отключалось электричество и они выставляли свечи в стеклянных банках вдоль края патио и выносили на улицу транзисторный приемник. Мама прижималась к папе, поглаживая его по спине. Порой родители брали Кови за обе руки и танцевали с ней. Иногда папа поднимал ее и вертел туда-сюда, а мама заливалась смехом.

В последние месяцы перед своим исчезновением мама почти не смеялась. Всякий раз при появлении папы ее лицо каменело. У взрослых были какие-то свои дела, смысл которых Кови уяснила гораздо позже. Как и смысл маминого поцелуя посреди ночи.

Кови почувствовала во сне этот поцелуй. Потом следующий. Прикосновение руки к волосам. Легкий аромат розового масла, смешанный с запахом пота. Затем рассвело и наступило воскресное утро. Мать, видимо, дала ей выспаться. Кови ждала. Мамы не было. Она встала и пошла в кухню. Мама исчезла.

Двенадцать часов спустя она так и не появилась. Перл, как обычно, оставила ей ужин. Папа, как обычно, пришел домой навеселе.

Через двое суток мамы по-прежнему не было. В дом пожаловали полицейские, они слушали папу и кивали. Да, сказали они, мы посмотрим, что можно сделать.

Неделю спустя папа, держа Кови за руку, свободной ладонью утирал ей слезы. Он обещал, что мама скоро вернется, говорил: «Вот увидишь». Папа перебрал больше обычного. Перл крепко обнимала Кови.

Прошел месяц, мамы нет.

Прошел год.

Потом еще пять лет.

Папа пропадал на петушиных боях. В одной из своих лавок он прятал за коробкой бутылку, Кови это видела. Перед тем как уйти домой, Перл обнимала Кови. А та по-прежнему просыпалась ночью, принюхиваясь, не пахнет ли розами и солью.

Лин

Минуло шесть лет, и лишь тогда Джонни Лин Линкок признался себе в том, что его женщина не вернется домой даже ради их дочери. Он сидел на заднем дворе с бутылкой пива, наблюдая за тем, как ящерица хватается невидимых насекомых, и думая о том, как трудно всегда было удержаться на плаву, с Матильдой или без нее. Для Лина жизнь проходила в постоянной борьбе, как и для его родителей, и для всех поколений, в прошлом покинувших родину и пустившихся в путь через океан.

Его *ба*² любил рассказывать своим мальчикам историю о тех соотечественниках, кто начал бедственную жизнь в Америке, но затем сумел обратить трудности себе во благо. Так, в 1854 году некоторые мужчины, работавшие на строительстве Панамской железной дороги, сильно захворали: их рвало черной желчью и глаза у них пожелтели. Многие китайские рабочие, присланные на эту стройку, потребовали, чтобы их отправили в более безопасное место. Часть из них оказалась на острове. Они были ослаблены тяжелым трудом и недугом, и мало кому посчастливилось выжить. И вот один из этих людей открыл оптовый склад, подав пример, вдохновивший других китайских иммигрантов.

А затем приехала семья Лина. Новый век, благоприятные возможности. По крайней мере, надежда на них. Отец Лина прибыл из Гуанчжоу в качестве кока, и в какой-то момент в документах он был записан как Линкок. Отработав свой контракт, он послал за женой и маленьким сыном по имени Цзянь, которого вскоре назовут Джонни, и вступил в ряды местных владельцев магазинов. Открыв наконец свою первую лавку, он повесил над ней вывеску «Галантерея и всякая всячина», и вскоре народ стал называть его мистером Лином, а его старшего сына – просто Лином. Позже появится еще одна лавка, родятся другие сыновья с английскими именами. Однако путь к этому окажется весьма трудным.

Рыбная похлебка. Когда Лин был маленьким, приходилось питаться в основном этим. Мать Лина изо дня в день варила бульон из рыбьих голов, приправляя его луком-пореем и перцем чили. Только через много лет Лин узнал, что в других семьях на их острове варили эту похлебку с целыми кусками рыбы, зелеными бананами и даже с креветками. Однако к этому времени его родители уже могли позволить себе кое-что получше, ибо семейные лавки наконец стали приносить доход. Его отец заготавливал свинину и вывешивал куски на крючьях на террасе, а мальчишки сидели во дворе и смотрели, как эти куски крутятся от ветра.

Но это было потом.

В детстве только уроки арифметики отвлекали Лина от мыслей о еде. Учителя считали мальчика одаренным. Но Лин уже тогда чувствовал, что недостаточно просто разбираться в числах, – чтобы преуспеть в этом мире, нужно стремиться противостоять их логике. Нужно не бояться рисковать. Будучи подростком, он наблюдал за играющими в *цу-е фа*³ мужчинами, пытаясь угадать шансы. В средней школе он начал делать ставки на лошадей. Затем открыл для себя петушьи бои, и у него в руках оказалась первая пачка долларов. Он вдыхал смешанный запах бумажных денег, пыли и крови, и ему чудилось, что так пахнет первый реальный шанс на хорошее будущее.

Лин понял, что, если следить за тем, как владелец кормит своих птиц, что за кормовые добавки он им дает, можно увеличить шансы на выигрыш. Заработанные деньги помогли модернизировать магазины отца, благодаря чему родители сумели приобрести дом на участке с тамариндовыми и хлебными деревьями. Так что дела шли неплохо. Мать Лина произвела на свет еще троих мальчиков, но после туберкулеза выжили лишь двое ее сыновей, а в городе остался один Лин.

Он всегда был предан семье. Так его воспитали. Когда ставки приносили хорошую прибыль, он всегда делился со вдовами братьев и их детьми. А когда родилась Кови, он нанял прислугу, Перл, лучшую кухарку в округе, потому что так захотела мать девочки. Но потом доходы упали.

Со временем заводчики бойцовских петухов открыли для себя стероиды. Птицы быстро набирали вес, но при этом с ними трудно было справиться, в особенности при наличии у них острых шпор. Один владелец из соседнего округа умер оттого, что собственный петух поранил

² *Ба* (баба) – папа (в ряде китайских диалектов).

³ *Цу-е фа* – аналог игры «камень, ножницы, бумага», появившийся в Древнем Китае.

ему руку. Никто даже не заметил, как это произошло, но все увидели красный фонтан, бьющий из запястья мужчины. Так вместе с кровью из него вытекла жизнь.

А ведь Лин очень рассчитывал, что эта птица победит. Но происшествие со смертельным порезом привело к тому, что вместо ожидаемого успеха началась долгая полоса невезения. Женщина Лина постепенно перешла от криков и споров к полному молчанию. Однажды она просто исчезла, оставив короткую записку и их двенадцатилетнюю дочь, и та теперь всюду следовала за Лином по дому, глядя на него круглыми глазами матери.

Лин подозревал, что Матильда ушла от него под влиянием раста-афро-братства, как-то так⁴, – короче, движения за независимость черных, которое выплеснулось на улицы. К тому же она жаловалась, что Лин не хочет жениться на ней официально и вдобавок ходит на петушинные бои.

– Тебе не нравится, что я делаю ставки? – однажды спросил ее Лин. – Откуда, по-твоему, я беру деньги на содержание лавок? Половина наших клиентов покупают товар в кредит, который они, кстати, никогда не закроют. Или мне отказать им? И откуда, по-твоему, взялся этот дом? Ты думаешь, все эти деньги упали с неба?

Лицо женщины выразило досаду, что бывало постоянно, когда Лин в присутствии их дочери переходил на местный говор.

Нет, Матильда никогда не ценила своего счастья. У кого-то из торговцев были жены на той стороне океана или подружки в другой части города, но только не у Лина. Она все же относилась к тем женщинам, от которых мужчина готов многое вытерпеть. Да хоть бы ради этой груди, выпирающей из рубашки... Даже то, как Матильда бестрепетно подгоняла дочь навстречу волнам, раздражало Лина и в то же время возбуждало его.

В трудные, но полные надежд годы после окончания Второй мировой войны многие парни, вернувшиеся на остров после службы в Королевских ВВС, только и говорили что о возвращении в Британию. Нередко молодые китайцы из столицы уезжали с острова во Флориду. Однако Лин не хотел снова иммигрировать, он стремился улучшить свою жизнь здесь. Матильду, которая была на два года моложе его, это вполне устраивало. Когда они оставались одни, она гладила его по макушке, говоря, что ей нравятся его волосы – черные, прямые и жесткие как щетка.

Ведь Лин мог жениться на другой. Мать в свое время хлопотала, чтобы он познакомился с «правильной» девушкой – одной из тех, кто недавно приехал из Китая. С девушкой, которая сумеет навести должный порядок в доме к китайскому Новому году. Не забудет о маленьких конвертах *хунбао*⁵ для детей. Приготовит особые блюда, приносящие удачу. Такой невесткой гордилась бы семья, пригласившая на праздничный обед важных гостей.

Однако Лин прекрасно понимал, что Матильда не стала бы долго скучать. Чтобы найти состоятельного мужчину, ей надо было лишь обратить взор на какого-нибудь владельца отеля на побережье или на кинозвезду из тех, кто умудрился разбогатеть, хотя полжизни празднично валялся на пляже. Но вот Матильда сообщила ему, что беременна, и он понял, что хотел именно этого. Жить с Матильдой и их ребенком.

Любовь ставила в тупик, она самым таинственным образом могла запросто уничтожить человека. Да, Лину приходилось признать тот факт, что он остался один с дочерью. Их бросили.

За три года у Кови налились плечи и грудь. Она переросла всех девочек и почти всех мальчиков в округе и плавала быстрее всех. В выражении ее глаз Лин узнавал себя. Девочка была похожа на него. И дело было не только в таланте. Она не просто развлекалась. Она была настроена на победу.

⁴ Имеется в виду растафарианство, возникшее на Ямайке в 1930-е как афрохристианская синкретическая секта; субкультура, включающая в себя систему взглядов, тип поведения и музыкальное направление. Это движение обрело популярность благодаря музыке регги. Его последователей называют растаманами.

⁵ *Хунбао* – в переводе с китайского «красный конверт», традиционный денежный подарок детям на китайский Новый год.

Кови продолжала выигрывать, а Лин постоянно проигрывал. И что самое смешное, Лин все понимал. Он отлично знал, что нельзя непрерывно делать ставки. Нельзя тратить всю наличку на спиртное. Лин никогда не забывал цифры, держал в голове множество комбинаций, но никак не мог припомнить тот день, когда утратил способность сдерживать себя.

В какой-то момент Лина стали одолевать мысли об уехавших отсюда людях. Он начал подумывать о том, чтобы продать имущество и вернуться в Китай.

– Какой Китай? – осадил его единственный из братьев, оставшийся в живых. – Твое место на этом острове. Забудь о Китае!

И еще была Кови. Лин понимал, что не сможет взять ее с собой. У нее смуглое лицо матери, выступающий нос, английская речь. Пожалуй, со времен ее младенчества он не сказал Кови и двух слов на языке хакка⁶. Там она никогда не найдет себе мужа. Ха! Он понимал, что понапрасну теряет время, сердясь на эту девчонку, уже начинавшую кокетничать с ним. Или огрызаться, как это повелось теперь у молодых, вместо того чтобы делать то, что велено. Он догадывался, что Кови безнадежна. И все же остался.

Бухта

Пока бухта не прославилась, она принадлежала только им.

Шлеп, шлеп, шлеп.

Ни один уважающий себя островитянин не вышел бы на воду в будний день без лодки или доски для серфинга. А вот Кови и Банни могли.

Шлеп, шлеп, шлеп.

Время от времени сюда приходили поваляться на песке кинозвезды и писатели со своими гламурными друзьями, жившие в особняках дальше по берегу. Но в дневное время, когда здесь появлялись девочки, на пляже в основном было пусто.

Шлеп, шлеп, шлеп.

По воскресеньям Кови и Банни вели себя как другие пятнадцатилетние девочки, разгуливая по пляжу в бикини, тыкая палкой в выброшенных на берег медуз, закапывая друг друга по шею в песок, лакомясь жареными рифовыми окунями и лепешками из маниоки, приготовленными на открытом огне Фиши и его женой, а затем ополаскивая пальцы в прибое.

Невозможно было представить себе этот берег без Фиши. Он торговал обедами из свежесвыловленной рыбы с тех пор, как отцы Кови и Банни бегали здесь мальчишками. Он видел, как отец Банни ушел воевать за Британию и возвратился из-за моря поднимать двух своих детей, в отличие от тех, кто развернулся и отправился обратно в Англию, или Уэльс, или куда-нибудь еще. Фиши не раз со смешком говорил Кови, что у него на глазах ее папаша вырос из тощего мальчугана в тощего мужика. А теперь эти ребяташки превратились в мужчин, которые, окружив Фиши с бутылками в руках, спорили о независимости острова от британского правления.

Иногда по выходным отец Кови, вместо того чтобы накачиваться спиртным, садился за руль и вез девочек с подружками на дальний водопад. Они бросались в поток, вопя от прикосновения холодных струй. «Посмотри на меня, папа! – кричала Кови. – Посмотри на меня!» Это были хорошие дни. Он, откинув голову, смеялся и хлопал себя рукой по бедру. В такие дни девочка чувствовала, что для папы она важнее, чем кучка вонючих петухов, дерущихся до смерти.

По будням Кови и Банни натягивали купальные шапочки, и Кови возвращалась к своему истинному «я».

Она впервые увидела Банни в плавательном клубе. Кови держалась на плаву, перебирая в воде опущенными вглубь ногами и повторяя про себя строчки стихотворного отрывка, который

⁶ Хакка – диалект китайского языка. На хакка в основном говорят на юге Китая.

учила, чтобы рассказать в школе. Как раз в это время вошел друг папы, дядя Леонард, со своей дочерью Банни.

Дядя Леонард отпустил руку девочки и слегка подтолкнул ее к инструктору. «Просто сосредоточься, Банни», – сказал он и отошел в сторону, а Банни сделала несколько робких шагов вперед. Кови никогда не встречала ее раньше, они ходили в разные начальные школы. Но Кови видела, как дядя Леонард в своем белом фургоне подъезжает к их дому за папой. Мама еще была с ними, и каждый раз, когда папа с приятелем отправлялись на петушинные бои, Кови слышала, как она цедит что-то сквозь зубы.

В бассейне Банни с испуганным выражением на круглом лице выполняла все указания инструктора. У нее не было никакой подготовки, но она быстро все схватывала. Однажды на тренировку пришла мать Банни, и девочка улыбнулась ей. Кови, не удержавшись, переглянулась с другими детьми. Они никогда не видели такой ослепительной улыбки. Даже мама Кови не могла похвастать столь безупречными зубами. Со временем Кови заметила, что помимо улыбки Банни обладала еще одним достоинством: она, похоже, не знала усталости в воде.

После занятий по плаванию Банни стала заходить к Кови домой. Девочки, болтая ногами, сидели рядом за кухонным столом и с урчанием в животе ждали, когда Перл, занятая приготовлением ужина, подсунет им по кусочку жареного плода хлебного дерева или по горячей вязкой клецке. Если было еще светло, они убегали на задний двор, ловили ящериц или взбирались на огромное старое миндальное дерево и сидели там, пока мама не позовет их.

Потом Кови сказала Банни, что хочет начать тренироваться в бухте.

– Но зачем? – спросила Банни. – У нас есть бассейн.

– Увидишь, – ответила Кови, глядя в сторону побережья.

– Но это не опасно?

Кови замаялась, но по блеску в глазах подруги поняла, что отвечать необязательно.

Самые долгие заплывы происходили, когда отцы уезжали на петушинные бои. Кови и Банни упрашивали соседских парней отвезти их на какой-нибудь дальний пляж. Пока отцы оттирали с долларовых купюр пятна крови, девочки уже стояли на песке и в следующую минуту, скинув туфли и платья, бросались головой вперед в сапфировые волны.

С Банни Кови больше не чувствовала себя единственным ребенком в семье. Ей казалось, что она нашла себе сестру не только на земле, но и в воде. Кови плавала быстрее подруги, однако Банни могла без усталости рассекать открытое море по прямой – больше никто из знакомых пловцов не был на такое способен. Если Кови хотелось сравнить с дельфином, то Банни напоминала одну из тех гигантских черепах, о которых рассказывают, что они могут, не сбиваясь с пути, пересечь мировой океан.

Людам нравилось поддразнивать Кови из-за плавания. Она как молния, говорил кто-то. Но в присутствии Банни все помалкивали. По городу ходили слухи. Банни – настоящий идол, которому надо поклоняться. Банни – даппи-победитель⁷. Но потом девочкам минуло шестнадцать, и многое изменилось. Люди начали называть их «юные леди». Кови знала, что именно некоторые думают о юных леди. Что тем следует с большим уважением относиться к могучей и непредсказуемой стихии. Что хватит рисковать, уплывая в открытое море.

«Это как-то неестественно», – говаривал ее папа.

Когда Кови была еще маленькой, ее отец, сделав пару удачных ставок, пообещал, что потратит эти деньги на плавательный клуб. Папа продолжал вносить плату даже в те времена, когда, по его словам, денег ни на что другое не оставалось, и на протяжении ряда лет Кови оправдывала инвестиции, заполняя полку в своей спальне медалями за плавание. Потом решила, что этого недостаточно.

⁷ *Данни* – живой мертвец в карибском фольклоре, способный принимать необычный облик. «Даппи-победитель» – дословный перевод названия песни Боба Марли «*Duppy Conqueror*».

Отец заблуждался – для Кови не существовало ничего более естественного, чем плавание в море. И пока рядом была Банни, Кови чувствовала: она вправе продолжать делать то, что ей нравится больше всего.

– Объявили заплыв через бухту, – как-то раз сообщила она Банни. – Давай поучаствуем. Посмотрим, сможем ли мы получить спонсорскую помощь для поездки в столицу.

– Заплыв через бухту? – переспросила Банни. – Ты же знаешь, я не люблю состязаний.

– Но мы можем выиграть.

– Нет, это *ты* можешь выиграть, Кови.

– Но ты попадешь в первую тройку, я уверена. Это же здорово, длинный заплыв – то, что ты любишь. К тому же некоторые из знаменитых пловцов с других островов не осмелятся приехать сюда.

На их острове располагалась одна из самых маленьких стран на Земле, при этом здесь были одни из самых обширных природных бухт. Не стихали разговоры о том, что может скрываться в их водах.

Каждый житель острова имел в запасе свою историю об акулах. Акулах, оставлявших от человека лишь обглоданный торт, который море выбрасывало на берег. Акулах, нападавших на людей в воде, когда кто-то скидывал со скалы дохлую собаку. Акулах, кружащих вдоль песчаных отмелей у южного побережья. Но за всю свою жизнь Кови приходилось видеть лишь акулый плавник в воде, и то считанные разы. Барракуды попадались, это да. А вот рассказы про акул казались не более правдоподобными, чем истории с привидениями, – ты не очень-то им веришь, хотя, бывает, оторопь берет.

Кови была уверена, что сможет уговорить Банни участвовать в этом заплыве через бухту.

– Нас будут сопровождать катера, да? – спросила Банни.

– Конечно, – ответила Кови. – Послушай, если честно, я тоже немного нервничаю, представляя, как все это будет. Но ведь мы плаваем в открытом море здесь, почему же не сумеем проплыть там? Думаешь, тебе не захочется?

Банни покачала головой.

– Тогда не думай об этом, просто поедem со мной.

Кови и вообразить не могла, что не будет участвовать. Не почувствует пузырьков пены на коже, рывком выбрасывая из воды руку; не увидит, как под сияющими небесами постепенно темнеет бирюзовый мир внизу, оттого что море становится все глубже; не ощутит, как соль обжигает губы. Кови мечтала, что ее пригласят на соревнования за рубеж. Она понимала, насколько мал ее шанс уехать отсюда, и все же не хотела его упускать. Потому что Кови действительно собиралась рано или поздно покинуть свой город, даже если мать никогда не вернется к ней.

– Но твой папа... – пробормотала Банни. – Что, если он не согласится?

– Я подумаю об этом потом, – хмыкнула Кови.

Три дня в неделю Кови боролась с волнами, преодолевала свой страх перед акулами, выгоняла из мышц молочную кислоту, всей грудью вдыхая свое будущее чемпионки. Три дня в неделю Банни смазывала лицо жиром, сражалась с ожогами от медуз и изучала карту большой бухты острова. Ибо, куда бы ни направлялась Кови, Банни желала следовать за ней.

Кови и Гиббс

В те времена некоторые парни разрубали остовы выброшенных рыбацких лодок и делали из них плоские доски, на которых катались по волнам. Иные занимались бодибордингом и серфингом на кусках пенопласта. Они обрабатывали полиуретан и прослаивали его смолой и стекловолокном. Со смехом парни соскакивали с бордов и бегом возвращались на песок. К

тому времени, как в родном городе Кови появились фабричные доски для серфинга, она уже была готова попытать счастья в этом виде спорта.

Кови оказалась очень способной. Правда, у нее не было собственного борда, в отличие от Гиббса Гранта. Когда Гиббс стал ходить в плавательный клуб, Кови как раз исполнилось шестнадцать. Он числился среди старших ребят в клубе, хотя в городе появился недавно. Семья Гиббса переехала к родственникам, после того как горнодобывающая компания выкупила землю у его отца. Кови слышала раньше о парне по фамилии Грант, но, увидев его впервые выходящим из раздевалки к бассейну, сразу поняла, что их пути никогда не пересекались. Потому что в противном случае она запомнила бы его.

Кови достигла того возраста, когда мальчишки перестали дергать ее за волосы. Теперь парни шептались, когда она проходила мимо, свистели ей вслед из машин, на вечеринках подходили к ней вплотную, смущали ее, пугали, а иногда пробуждали в ней фантазии. Но ни один из них не подействовал на нее так, как новичок, переступивший в тот день порог клуба.

Пока Гиббс шел к кромке бассейна, Кови посмотрела на него и наткнулась на ответный взгляд. Этот парень скользнул по ней глазами, а ей почудился сильный толчок – и вот она падает, падает, падает в бездонный омут...

Позже он сказал ей:

– Понимаю, почему тебя называют Дельфином.

– Да?

– Ты такая быстрая.

Пожав плечами, она опустила глаза на свои ступни. Как обычно, кожа на ее пальцах была сморщенной от частого пребывания в воде. Кови притворилась, что ее это занимает.

– Парни говорят, ты плаваешь в бухте.

– Ага, мы с Банни.

– Только ты и она?

– В основном да, но не всякий раз.

– Как думаешь, можно мне иногда приходить туда и плавать вместе с вами?

– Если ты хороший пловец, – с улыбкой глядя на него, сказала Кови.

– Я хороший пловец, – усмехнувшись, отозвался Гиббс.

Он присоединился к ним уже на следующей неделе. А однажды принес доску для серфинга. Кови захотела немедленно ее опробовать, а Банни сморщила нос. Именно этот интерес к серфингу стал для Гиббса и Кови поводом видеться друг с другом без клубных друзей или школьных товарищей, избегать любопытных глаз родителей.

В первый раз пробравшись через густой кустарник к бухточке, где катались серферы, Кови и Гиббс натолкнулись на троицу мужчин-растаманов. Старший из них бросился в воду, и в следующий миг перед Кови предстало потрясающее зрелище: он с развевающимися полуседыми дредами взлетает на гребень волны и на полной скорости резко меняет направление.

Настал черед Кови встать на борд Гиббса. Мужчины откровенно пялились на нее, пока она, миновав узкую полоску песка, пробивалась через буруны и взбиралась на борд. Кови на всю жизнь запомнит, какие чувства переполняли ее, когда она впервые утвердилась на доске для серфинга. В памяти навсегда останется и ликующий возглас Гиббса, предшествовавший ее падению, и мысль, что она, Кови, испытывает восторг не только от самого серфинга, но и от сознания того, что Гиббс наблюдает за ней.

Не забыть ей и чувства удовлетворения, охватившего ее, когда при следующей встрече на берегу взрослые серферы-растаманы лишь приветливо кивнули им, продолжая заниматься своими делами.

Кови не говорила Банни о том, что она занимается серфингом с Гиббсом. В конце концов придется что-то сказать, и Банни в ответ улыбнется: «О-о, правда?» Однако Кови знала, что та будет ревновать. Она поняла это, заметив, какими глазами Банни украдкой смотрит на Гиббса.

Ее догадку подтверждали и другие наблюдения: вот Банни будто случайно прикасается к ее лицу, помогая ей натянуть резиновую шапочку; вот кладет голову ей на колени, когда они после плавания отдыхают на пляже, дожидаясь, пока солнце высушит их купальники. Кови не хотела причинять Банни боль. Та была ее лучшей подружкой. Для Кови это означало все. Но Банни этого было мало.

– Класс! – прокричал Гиббс, когда Кови выбежала из воды после того первого заезда на борде. А чуть позже, когда они сидели на полотенце, собираясь съесть ананас, купленный у разносчика, заявил: – У тебя настоящий талант, девочка-дельфин.

– О-о, что ты делаешь? – спросила Кови.

– А что? – удивился Гиббс.

Одной рукой он придерживал ананас, положив его на бедро и вспарывая ножом сбоку.

– Ты пытаешься убить этот ананас? Зачем ты его так разрезаешь? Дай-ка сюда. – Кови взяла ананас и поставила его на полотенце верхушкой кверху. – Говоришь, ты из этой страны? Не верю.

– Ну, это всего лишь перочинный ножик, он маленький.

– И в таком случае это первая твоя проблема.

– Что? По-твоему, я должен бродить по берегу с огромным кинжалом на тот случай, если наткнусь на ананас?

Кови поджала губы, но потом они оба рассмеялись, и Гиббс повалился на песок. Кови старалась не пялиться на его торс, сверкающий на солнце. Придерживая ананас, она принялась срезать с него кожуру, обнажая желтую мякоть с темными вкраплениями. Потом она разрезала плод по диагонали, понемногу выковыривая из него ножом эти вкрапления. С маленьким ножом Гиббса времени на это ушло порядком. И Кови была этому рада.

– Скажи, – начал Гиббс, – что ты собираешься делать после окончания школы? Будешь давать уроки плавания, как Банни?

– Ну, прежде всего я хочу выиграть эту гонку через бухту и, да, хочу продолжать плавать. Еще планирую поступить в университет. Может быть, сумею уехать в Англию. Возможно, займусь математикой. Я хорошо считаю, как мой папа.

Кови заметила промелькнувшее на лице Гиббса выражение. Она догадывалась, о чем он подумал. Так думает о ее отце большинство людей.

– А ты? – поинтересовалась Кови.

– Я точно поеду в следующем году в Лондон. Собираюсь изучать юриспруденцию, – ответил Гиббс.

Кови почувствовала, как сильно забилося ее сердце. Они оба могут оказаться в Британии...

– Юриспруденцию? – переспросила Кови. – Ты имеешь в виду преступников и все такое?

– Я больше подумываю о правах человека. Понимаешь, иногда права людей нарушаются. Как в моей семье.

– Правда? А что случилось?

– У моего отца была ферма, ты это знаешь. Но ее отобрали. Вот почему нам пришлось переехать.

– Я думала, какая-то крупная компания купила землю у твоего отца.

– Во всяком случае, так это называлось. У папы не было выбора. Они заплатили столько, сколько сочли нужным. Потом заставили всех съехать. Целую деревню.

Кови молча смотрела на Гиббса. Она не знала, что так бывает.

Он взял у Кови кусочек ананаса.

– Если поедешь в Лондон, то вернешься сюда, как думаешь? – спросила она.

– Не «если», а «когда».

Всякий раз, встречаясь с Кови, Гиббс настойчиво повторял, что для его будущего главное – это уехать с острова. Об остальном он подумает потом. В какой-то момент он перестал говорить только о своем будущем и начал говорить о жизни вместе с Кови.

Мы, стал он говорить. *Мы*.

Гиббс, плечи которого были столь же широкими и смуглыми, как ветви дерева гуанго.

Гиббс, от прикосновения рук которого по телу Кови разливался жар.

Отец Кови запрещал ей оставаться с парнями наедине, но Кови и Гиббс всегда находили для этого предлог. Плавательный клуб, дискуссионные группы, а летом репетиции перед празднованием Дня независимости. Они жили в городке, окруженном спокойными бухтами и густой пышной растительностью. Парочке тинейджеров несложно было найти место для уединения, и, подобно всем предшествующим поколениям, они были захвачены юношеской любовью.

Кови и Гиббс, рука об руку шагающие через буруны.

Кови и Гиббс, целующиеся в морской пещере.

Кови и Гиббс, льющие друг к другу, исследующие тела друг друга и нашептывающие обещания.

Лин

Нелегко ему приходилось с Кови. Мало того, что она была девочкой. Когда Кови повзрослела, стало ясно, что она унаследовала глаза, грудь и зубы своей матери. Местные мужчины уже присматривались к ней, не говоря о жене одного из поставщиков Лина, которая, как все знали, была *такой*. Но хуже всего – то неуважение, какое дочь начала выказывать к отцу.

Когда подросток Кови поняла, что мать не вернется домой, она стала проявлять непослушание, приходила из школы позже обычного. В последнее время она втолковывала Лину, что после школы занималась с подругой или ходила на дополнительную тренировку в бассейне, но он-то догадывался: дочка что-то скрывает. Войдет, бывало, в дом с тем особым выражением на лице, и Лину сразу ясно: тут замешан парень. Но Кови все отрицала.

Однажды вечером у Лина лопнуло терпение, и он схватил Кови за волосы. Вот тогда он и сообразил, что именно происходит.

– Что это? – вскричал он.

Конский хвост на голове Кови задубел от соли. Она снова плавала в море после школы. Лин запретил ей это, и все же глупая девчонка бегала на пляж после занятий. И лгала ему.

– Ты с ума сошла? – вспыхнул Лин. – Разве мы не говорили об этом раньше? Ты хоть понимаешь, что с тобой может случиться, если ты будешь ходить туда одна?

– Ничего со мной не случится, – ответила Кови, взяв манго и проводя острием ножа по его коже.

– И ты права, Ковентина. С тобой ничего не случится, потому что ты туда больше не пойдешь.

Бросив на отца косой взгляд, Кови отвернулась. В дни молодости Лина девочка не посмела бы с таким пренебрежением посмотреть на отца. В наши дни повсюду царят эти свободные нравы. На прошлой неделе Кови сшила себе новую юбку или, лучше сказать, новую полоску ткани, прикрывающую едва ли половину зада. Кови сказала, что все девушки носят такие юбки. Лин сразу же пресек это дело, заставив дочь выпустить подгиб на подоле. Однако мир двигался именно в этом направлении.

– Во всяком случае, ты меня не остановишь, – заявила Кови, отделяя кусочек манго от косточки, и проглотила его целиком.

Вот такие дела. Лин вытащил из брюк кожаный ремень и, размахивая им в воздухе, преподал Кови урок. Или надеялся, что преподал. Кови не ведала страха. А бесстрашная девушка без матери или мужа, способных держать ее в узде, – опасная штука.

Шторм

В сентябре 1963 года экипаж реактивного лайнера, летевшего из Португалии в Суринам, заметил зону значительного возмущения у западного побережья Африки. Затем последовали сообщения с судов, плывущих вблизи восточного побережья Малых Антильских островов. К тому времени как широкой общественности была представлена первая метеосводка об урагане «Флора»⁸, шторм подошел к Тринидаду и Тобаго и начал свой смертоносный путь через Карибский бассейн.

В те времена жители родного городка Кови не ведали о приближении урагана до того момента, как он накроет их, хотя островитяне знали, что наступил сезон больших штормов. Тропический шторм, всего лишь задевая какой-нибудь остров, уничтожал посевы, разрушал линии коммуникации, уносил человеческие жизни.

В субботу 5 октября 1963 года трое тинейджеров плыли через Лонг-Бей, а двое других следовали за ними в небольшой лодке. Ни один из них не хотел признаваться, как он напуган. Ураган налетел быстрее, чем они ожидали, и лодка уже один раз перевернулась.

В двух милях от берега Лин загонял кур в гараж. Курятник уже шатался от ветра. Школы были закрыты, дороги заливала вода вперемешку с грязью. Кови же торчала у Банни и еще не появлялась, хотя Лин велел ей вернуться к обеду. Зазвонил телефон. Это был отец Банни, Леонард.

– Лин, у нас дорога залита водой. Ты не мог бы подвезти Банни к углу на полпути? Я подойду и сам провожу ее домой.

– Банни? – переспросил Лин. – Банни здесь нет. Она разве не дома?

– Нет. Я думал, они с Кови у тебя, – сказал Леонард.

– О-о, черт!

– О-о, боже правый!

Лин подхватил Леонарда на углу, и они поехали к берегу. К счастью, дороги были по большей части пусты, лавки и прочие заведения позакрывали в ожидании шторма, но из-за подтопления машина двигалась медленно.

– Что, если их там нет? – говорил Лин, пока они ехали вдоль пляжа.

– Где им еще быть? – откликнулся Леонард. – Уж эта твоя дочь...

– *Моя* дочь? А как насчет Банни?

– Банни ходит за Кови хвостом. Ты ведь знаешь, какое влияние имеет на нее Кови.

Лин придержал язык. Были вещи, которые один отец старался не говорить другому, чтобы не разрушить дружбу.

Тут он заметил на песке бутылку лимонада и обувь; ветер разметал вокруг разноцветные платья и рубашки. Лин с Леонардом подбежали к воде, успев промокнуть до нитки. Лин, вглядываясь в завесу дождя, увидел каноэ, в борта которого с силой бились волны. Перед лодкой маячили трое пловцов, резко выбрасывающих руки сквозь водяные брызги. Он узнал желтую купальную шапочку Кови.

Лин включил фонарик и посигналил группе. В этой ситуации ничего больше не оставалось, как только затаить дыхание. Право, природа сыграла с человеком злую шутку, хуже не придумаешь: чтобы сделать его настоящим отцом, она вселила в него мучительный страх за ребенка. Они с Леонардом закричали, когда лодку накрыла высокая волна, расшвыряв пловцов и гребцов в разные стороны.

⁸ «Флора» – один из самых смертоносных атлантических ураганов в истории человечества, унесший жизни более семи тысяч человек.

Когда волна схлынула, Лин насчитал пять голов. Кови в желтой шапочке пыталась ухватиться за борт каноэ. Они почти добрались до берега, но, если не поторопятся, следующая большая волна превратит их лодку в метательный снаряд.

Слава богу, она очень сильная девочка, эта Кови. Наконец она встала на дно, и, когда над водой показались ее колени, сердце Лина наполнилось такой гордостью и счастьем, что у него защемило в глазах и в носу. Потом им овладела ярость. В свои шестнадцать Кови была одного роста с ним, но Лин схватил ее за руку, как непослушного ребенка, и потащил к машине.

– Давай залезай внутрь! – велел ей Лин. Он бросил взгляд через плечо на Гранта, старшего в группе. Слишком красив, да на пользу ли ему это? – Головой надо было думать, Гиббс Грант!

– Да, сэр, – откликнулся тот, потупившись.

У Лина все внутри перевернулось от взгляда Кови, устремленного на этого мальчика.

– «Да, сэр», – передразнил его Лин. – «Да, сэр»? Это все, что ты можешь сказать? Ты здесь старший, должен был взять на себя ответственность.

– Нет, папа! – прокричала Кови. – Это я всех позвала сюда!

– А ты, юная леди, помолчи.

Гиббс посмотрел на Кови, потом, высоко подняв голову, перевел взгляд на Лина:

– Вы правы, мистер Лин, всю ответственность я беру на себя.

И в этот момент Лин разглядел в осанке и развороте плеч Гиббса, в сверкании его больших глаз все то, что такой парень может дать его дочери. «Черт побери!» – подумал Лин.

В те выходные ураган «Флора» нанес ущерб острову на двенадцать миллионов долларов. Погибло более десятка человек. Кови запретили встречаться с Гиббсом, ее с Банни на месяц посадили под домашний арест, не разрешив в том числе посещать бассейн. Но Кови была влюблена в Гиббса, Банни влюблена в Кови, и они были слишком юны, поэтому им не приходило в голову, будто что-то может надолго разлучить их.

Пожар

Со времени большого шторма миновал год. Однажды ночью Кови разбудил громкий стук в дверь дома и крики: «Лин! Лин!» Она выглянула в коридор как раз в тот момент, когда отец, сунув ноги в сандалии, выбежал за порог.

Кови вышла из дома вслед за отцом, который заспешил по подъездной дорожке мимо зарослей бугенвиллеи в сторону улицы. В конце дороги располагалась небольшая группа торговых предприятий, в том числе одна из лавок отца. В дневное время вдаль можно было разглядеть перекресток, но сейчас Кови увидела только оранжевое зарево на фоне ночного неба.

– Иди домой, Кови! – заметив ее, сказал отец. – Иди и запри за собой дверь.

Просьба отца запереть дверь дома шокировала Кови. За все семнадцать лет, что она прожила на свете, ей ни разу не приходилось это делать, даже в прошлом году, когда к северу от городка на побережье произошли какие-то волнения и убийства. Не было никакой необходимости в том, чтобы закрываться на засов.

– Но, папа... – закашлявшись, пробормотала Кови.

Горло у нее запершило от дыма. Отец положил руки ей на плечи и развернул в сторону дома.

– Не спорь со мной, – сказал он, – просто уходи. И посмотри на себя. Вылезла в пижаме. Прикройся.

Кови побежала обратно к дому, обхватив себя руками, чтобы не подпрыгивали груди. Она увидела достаточно. Вероятно, на этом участке дороги вместе с другими заведениями горели и магазины ее отца. Когда Кови поворачивала во двор, мимо нее по улице проходили

две женщины. Одна из них говорила, что *китайский* лавочник избил работницу, поэтому кто-то поджег магазины.

– Женщина попросила свое жалованье, и он, повторяю, «вмазал ей по лицу», – сказала она.

Другая женщина поджала губы.

«Китайский»? Они ведь говорят не об отце Кови, правда? Владельцами большинства лавок в округе были китайские островитяне, и Кови подумала, что это мог быть любой из них. Но не ее папа. Все знали, что ее отец любит играть на деньги, не прочь выпить... Но избить служащую? Это не похоже на Джонни Лина Линкока. Ее папа? Отец однажды замахнулся на нее ремнем, но так и не побил по-настоящему. Похоже, он считал, что угрозы достаточно. У него всегда так – шуму много, толку мало.

Почти у самого дома Кови увидела Гиббса и его отца, бегущих в сторону пожара. Гиббс обернулся и бросился к ней.

– Гиббс! – указывая на зарево, громко позвал его отец.

Грант-старший владел магазином на паях с кузеном своей жены, так что у него были все причины для волнения.

– Прости, отец зовет... – начал Гиббс.

– Понимаю, понимаю.

– Мы можем встретиться завтра? – спросил Гиббс. – Постарайся увидеться со мной. На обычном месте.

Кови кивнула и открыла ворота своего дома. Ее глаза были полны слез. Но ей не пришлось ждать до следующего дня: Гиббс вернулся через час и колотил в ворота до тех пор, пока она не выглянула в окно и не впустила его. Взявшись за руки, они пробежали через палисадник и оказались в задней части дома.

– Плохо будет, если тебя увидит мой отец.

– Вряд ли он скоро вернется, Кови.

Кови почувствовала, как отяжелело ее тело. Она опустила голову на плечо Гиббса.

– А твой папа?

– С ним все в порядке, и с его магазином тоже, он просто помогает другим.

Они замолчали, целуясь и нежно прикасаясь друг к другу, пока она не оттолкнула его:

– Лучше уходи, пока нас никто не увидел.

– Ты права, – сказал Гиббс, вновь наклоняясь к ней, а потом отодвинулся.

Предрассветные часы Кови провела в одиночестве и тревожном ожидании. Впоследствии она старалась избегать отца, мечтая о том дне, когда они с Гиббсом вместе покинут остров, но в ту ночь ей хотелось только одного: увидеть папу на пороге дома. Ее мать давно ушла, бабушки и дедушки умерли, дядя, тетки и кузены уехали, и только папа оставался с нею. Этот эгоистичный, вспыльчивый, недалекий человек был единственной родной душой для Кови.

При свете дня несколько мужчин из округи помогли отцу Кови и другим торговцам расчистить пожарище. Всего загорелось четыре магазина, включая одну из двух лавок Лина. Никто не знал, кто их поджег. Или, во всяком случае, никто об этом не говорил. Закончив работу, мужчины, в покрытых копотью рубашках и бермудах, явились на задний двор дома Лина. Сам хозяин приковывал в одной сандалиии, неся в руках другую, разорванную. Кови побежала в умывальную, чтобы смыть следы недавних слез.

Мужчины ополоснули руки и лицо из садового шланга, потом расселись на стульях и ступеньках террасы. Перл и Кови принесли стаканы воды со льдом, тарелки с курицей, рисом и горошком. Ароматы кокосового молока и чеснока щекотали ноздри; издали тянуло запахом горелого дерева и металла. Отец Кови с другим торговцем негромко обсуждали человека, предположительно избившего свою работницу.

– Он не первый раз распускает руки, – говорил Лин. – От этого мужика одни неприятности.

Отец перешел на местный говор, и будь здесь мать Кови, она была бы недовольна. Но мама Кови покинула этот дом пять лет тому назад.

Ни разу не позвонила.

Не написала ни строчки.

Не вернулась к своей дочери.

– И это еще не конец, Лин, – сказал в ответ торговец.

Кови хотелось послушать их еще, но Перл позвала ее в дом. Если хочешь узнать о том, что происходит в городке, то ты либо околачиваешься возле мужчин на заднем дворе, либо – раз уж выпуклости и изгибы твоего тела бросаются в глаза и тебе не позволено находиться в мужской компании – идешь к женщинам в кухню. Особенно интересно бывало там в дни стирки. Днем после школы обычно наступало затишье, когда в патио вывешивались белые простыни и одежда для отбеливания на солнце, и Перл могла ненадолго отвлечься от хлопот, чтобы полакомиться фруктами и поболтать с другими помощницами по хозяйству.

Как все жители городка, Кови слышала жалобы на китайских торговцев, которые не платили своим работницам жалованье или приставали к ним с непристойностями. Но не только они плохо обращались с женщинами. Кови знала об этом по рассказам очевидиц или их подруг. Такие истории случались с ними самими или с их знакомыми на службе, в магазине или школе. И не важно, какой цвет кожи был у обидчика – желтый, черный или белый.

Перл говорила, что все люди – прирожденные *ginnal*⁹ и мало кто не воспользуется преимуществом перед слабым или не притворится другом сильного, чтобы нажиться на этом. Но даже Перл утверждала, что отец Кови не такой уж мерзавец по сравнению с другими. Взять, к примеру, Коротышку Генри – вот уж злодей, каких поискать! Преступные дела Коротышки, рассказывала Перл, гремели далеко за пределами их округа.

По ее словам, все знали, что Коротышка берет деньги у политиков, чтобы разжечь насилие в западной части острова. Но это еще не самое плохое. Коротышка был способен на убийство! Не одна несчастная душа, воспользовавшись так называемой щедростью Коротышки и не сумев отдать долг, распрощалась с жизнью. Другие приползали домой, избитые и безмолвствующие. «Там, где дело касается денег, – повторяла Перл, – не все то благо, что дается свыше».

Ходили слухи, что женщина, недавно найденная мертвой на побережье вблизи другого города, отвергала заигрывания Коротышки. Из всех рассказней про него именно эта история приводила Кови в небывалый ужас. Неужели из-за такой малости кого-то могли столь жестоко наказать?! Говорили, его брат не лучше. Мол, братья Генри с готовностью пользуются другими людьми, навлекая на них всевозможные несчастья.

Вероятно, Кови и Перл стоило подумать о том, что скоро Коротышка попробует влезть в дела Джонни Линкока. Но им не пришлось это в голову.

Далеко не сразу Кови поймет, что пожар означен собой начало конца. Откат, перед тем как волна отцовских долгов поглотит их обоих. Большая часть товара из лавки отца была уничтожена. Все прочее закопилось и потому продаже не подлежало. На следующий день после пожара Кови слышала, как Перл судачила с прислугой из соседнего дома, говоря, что мистер Лин разорится не из-за чьих-то злых дел. Мистер Лин, говорила Перл, вполне способен разорить себя сам.

⁹ Мошенник, обманщик (*ямайский сленг*).

Лин

Что представляет собой человек, размышлял Лин, у которого нет больше места, называемого домом?

Лин знал, что люди по-прежнему видят в нем чужака, несмотря на то что он ходил в школу в этом городе, вел тут свой бизнес, взял жену из местных и растил здесь ребенка. Он не стал своим даже после того, как от туберкулеза, подобно многим другим, умерли его братья. Лин тоже всегда считал себя иностранцем – даже когда стучал костяшками домино по столу на заднем дворе, или со злостью изрыгал местные ругательства, или сидел на террасе, посасывая манго сорта бомбей, сорванное с дерева, которое его отец посадил собственными руками.

Но все изменилось в ту ночь, когда он смотрел, как горит его лавка, в ту ночь, когда кто-то поджег один из его складов, где он работал с детства, в ту ночь, когда он поймал себя на том, что беспокоится за безопасность своей дочери в городке, где она родилась. В ту ночь, когда Лин, потеряв наличность и почти все товары для обмена, наконец признался себе, что попал в переplet.

Все слова, какими люди когда-либо вполголоса обзывали его, все неодобрительные взгляды, какими его провожали, когда, вцепившись в край его рубашки, за ним по городу ходила его смуглая, оставшаяся без матери дочь, припомнились в ту особенную ночь и острым концом мачете терзали его грудь. И он понял тогда, что никакой он не иностранец, что это его единственный дом и ему некуда больше идти. Да, он приехал сюда в детстве из Гуанчжоу и звался Лин Цзянь, но большую часть жизни его знали как Джонни Лина Линкока из округа Портленд, что в шестидесяти с небольшим милях от столицы и за тридевять земель от Китая. Его прошлое и настоящее были неотделимы друг от друга.

Прав ли был *ба*, настаивая, чтобы его называли по китайской фамилии, и желая того же для Джонни? Мудро ли он поступал, прилюдно разговаривая с сыновьями на хакка? Правильно ли делал Лин, когда каждую весну ездил на кладбище в Га-Сан, чтобы привести в порядок могилы братьев и родителей? А главное, изменило ли это хоть что-нибудь?!

Теперь уже не важно. Хотя на Лина возвели напраслину и он пострадал из-за проступков человека, похожего на него лишь в силу китайского происхождения, доконало его совсем не это. Он сам сунул голову в петлю. Лин не смог бы оправиться после пожара, потому что, потакавшая собственным порокам, оказался по уши в долгах.

Лин опустил взгляд на свои ступни. Они были по-прежнему в копоти. Включив садовый шланг, он ополоснул пальцы на ногах. Подняв глаза к кухонному окну, он услышал болтовню Кови с Перл, звяканье тарелок, пока их мыли и ставили на место. Как раз в тот момент, когда к Лину пришло осознание ценности того, что было здесь нажито, он понял, что вот-вот потеряет все.

Сейчас

Частичка дома

Кто все эти люди, о которых говорит мать Бенни? Какое отношение имеют они к ее маме? А сестра, о которой она упоминала? Бенни пока не понимает, что же произошло. И даже не уверена, что хочет это узнать. Она напугана, чувствуя, что от нее ускользает смысл прозвучавших слов. Ей просто нужна ее мама – та, какой она была прежде.

Бенни говорит мужчинам, что ей нужно в туалет, но вместо этого идет дальше по коридору в комнату, где она росла, и принимается рыться в своей сумке на колесиках.

Вот.

Она разворачивает старый университетский свитшот, много лет назад доставшийся ей от брата, и вынимает мерную чашку из непрозрачной пластмассы. Чашка старше ее самой. Она из тех времен, когда мама была молодой новобрачной, только что приехавшей в Америку. Унции на одной стороне, миллилитры на другой.

«Возьми это, – сказала мама Бенни, когда та упаковывала вещи для переезда в кампус. Она засунула чашку в большую сумку Бенни и похлопала по ней. – Куда бы ты ни поехала, у тебя будет с собой частичка дома».

Впоследствии Бенни, собирая чемодан перед очередной поездкой, всегда прятала среди одежды старую чашку – напоминание о днях, проведенных с мамой в кухне.

Когда мать впервые показала ей, как готовить черный торт, Бенни едва доставала носом до края кухонной столешницы. Мама наклонилась и вытащила из нижнего кухонного шкафчика огромную банку. Одна из хитростей состояла в том, чтобы вымачивать сухофрукты в роме и портвейне целый год, а не просто несколько недель.

«Это островное блюдо, – сказала мама. – Это твое наследие».

Мать ставила тесто в духовку и усаживала Бенни на темно-зеленый табурет. Она говорила, что табурет такого же цвета, как деревья, поднимающиеся прямо из воды в той местности, где она росла. Бенни воображала широкое темное море, пронизанное высокими стволами, – они были похожи на секвойи в национальном парке, куда их с Байроном возили родители; парк находился севернее по калифорнийскому побережью. Она представляла себе, как эти деревья стоят, подобно гигантским часовым, а высокие волны омывают их стволы.

«Когда-нибудь ты их увидишь», – обещала ей мать.

Бенни все детство лелеяла мечту, что однажды мать и отец отвезут ее с Байроном на остров, но этого так и не случилось. Только через много лет Бенни поняла, что растущие из воды деревья – это мангры, заросли приземистых вечнозеленых кустарников, укореняющихся в приливной зоне, где пресная вода смешивается с морской. Их корни, среди которых устраивают себе жилище как морские, так и наземные существа, крепки и уязвимы одновременно. В манграх вообще много всякого понаmeshано. Чем-то похоже на Бенни.

Ее мама лет двадцать или около того пользовалась одной и той же мерной чашкой. И вот как-то раз папа отвез Бенни и Байрона в универсам, чтобы купить ей замену. В итоге они выбрали большую мерную чашку из толстого стекла.

– За черный торт, который ты будешь делать с ее помощью! – сказал отец, поднимая чашку и словно произнося тост.

– О-о! – открыв упаковку, воскликнула мать.

Она поставила новую сверкающую чашку на кухонный стол и пользовалась ею почти каждый день, но только не при изготовлении черного торта. Когда наступало время выпечки,

мать, порывшись в нижнем ящике буфета, выуживала старую пластмассовую чашку, после чего прогоняла из кухни всех, кроме Бенни, и принималась измерять и смешивать.

Даже когда Бенни выросла и стала жить отдельно, выпекание рождественских десертов вместе с мамой оставалось ежегодным ритуалом. Бенни приезжала домой каждую зиму, чтобы приготовить жженный сахар, растереть масло, просеять панировочные сухари. И всякий раз привозила с собой старую мерную чашку. И, увидев эту чашку, мама обнимала Бенни, целуя ее в шею: *чмок-чмок-чмок*.

Потом произошла ее размолвка с родителями в тот ужасный День благодарения¹⁰, за два года до смерти папы, и Бенни совсем перестала навещать мать. Но к тому времени Бенни успела превратиться в человека, умеющего предсказывать погоду по горсти муки и ощущать вкус земли в ложке тростникового сахара. И это заставило ее пойти на кулинарные курсы. Да, и бросить колледж. С чего, как понимает теперь Бенни, все и началось...

Принятое много лет назад решение Бенни уйти из элитного университета вбило клин между ней и ее семьей. Трещина ширилась, по мере того как росло разочарование родителей в дочери. Они были сильно раздосадованы, когда та уехала в Италию на кулинарные курсы. Вернувшись в Соединенные Штаты, Бенни перебралась в Аризону и поступила в художественный колледж. Даже ее брат был озадачен таким поворотом событий. Три человека, которых Бенни любила больше всего на свете, откровенно недоумевали: зачем она так разбрасывается?

Для Бенни же этот переезд имел смысл. Может быть, она видела особый интерес в том, чтобы делать что-то своими руками на кулинарных занятиях, исследовать применение цвета и текстуры в кондитерских изделиях. Может быть, ей пошла на пользу визуальная стимуляция, ведь Бенни на целый год погрузилась в созерцание итальянского города, такого многоликого и говорливого, с фасадами горчичного оттенка и цвета сомон¹¹, с мрамором фонтанов, скользким от воды. Во всяком случае, Бенни твердо знала, что вернулась в Штаты с желанием более серьезно заняться живописью. Она чувствовала: правильное сочетание кулинарии и искусства в ее жизни поможет ей найти себя.

Бенни вовсе не мечтала проводить в кухне целый рабочий день, ей скорее хотелось находиться в окружении красивых уютных вещей и приятных людей. Она с удовольствием сидела бы одна в собственном кафе до прихода первых посетителей, делая наброски в альбоме и глядя, как утреннее небо в окне постепенно меняет цвет с синего металлика на нежно-золотистый. В своем кафе она обучала бы детей культуре с помощью кулинарии. В общем, Бенни хотела делать все по-своему и чтобы у нее все получалось. Что может быть лучше, чем жить в безопасном пространстве – той жизнью, которую она всегда будет контролировать?

Но Бенни была отпрыском Берта и Элинора Беннет, а для Беннетов такой путь не годился. Если вы из Беннетов, вам надлежит окончить колледж, поступить в аспирантуру, найти настоящую профессию. В свободное время занимайтесь чем угодно. Если ваши родители – Берт и Элинора, вы делаете ставку на свою университетскую степень, утверждаете свое влияние, накапливаете состояние и о ваших слабых местах не знает ни единая живая душа.

Короче говоря, вы становитесь Байроном Беннетом.

Бенни продолжает вертеть в руках мерную чашку. Пластмасса покрыта трещинами, оттого что чашку постоянно роняли, к тому же Бенни нагревала ее или наливала туда что-то горячее, хотя мать просила ее этого не делать.

Бенни клала в мерную чашку сливочное масло и растапливала его в микроволновке.

Бенни пила из мерной чашки подогретое вино, сидя в одиночестве за столом, накрытом для двоих.

¹⁰ День благодарения – традиционный семейный праздник, который уходит корнями в эпоху первых переселенцев и в настоящее время знаменует начало рождественского сезона. В США отмечается в четвертый четверг ноября.

¹¹ Цвет сомон (от фр. *saumon* – лосось) – розовато-желтый.

Бенни ела суп из мерной чашки, ощущая неутрачиваемую боль от синяков на лице и шее. Бенни прихлебывала из чашки чай, чувствуя, что от нее отвернулся родной брат.

Сейчас Бенни прижимает чашку к груди, поглаживая пальцами остатки ярлыка. Прошло без малого пятьдесят лет, а он не отстал полностью. Рука матери прикасалась к этой пористой резинке всякий раз, как она отмеряла муку, рис, бобы или масло, всякий раз, как готовила угощения на день рождения, праздничный ужин или для благотворительного вечера. Бенни подумала: интересно, осталась ли на чашке частичка маминой ДНК? Может быть, ее мама не совсем исчезла с этой земли? Ученые находят во льду следы ДНК, насчитывающие сотни тысяч лет.

Бенни достает из кармана джинсов смартфон и набирает голосовую почту. В сотый раз она слушает сообщение месячной давности – от мамы.

Четыре слова: «Бенедетта, пожалуйста, вернись домой». Бенни опускает голову, с трудом сглатывает, перед глазами все расплывается, и она едва различает, как в мерную чашку капает слеза.

Тоска по дому

Бенни слышит, как с другого конца коридора ее зовет Байрон, но она не отвечает. Она не готова вернуться и слушать продолжение истории матери. Ей надо подумать. Бенни оглядывает бирюзовые стены комнаты, где она спала почти каждую ночь до семнадцати лет. Родители покрасили стены в этот цвет по ее настойчивой просьбе. Вспоминая это, она улыбается. Почему она не вернулась в Калифорнию раньше?

Бенни могла бы увидеться с матерью месяц назад, даже неделю назад, но у нее и в мыслях не было, что мать больна. И разумеется, Байрон, черт бы его побрал, позвонил, когда было уже слишком поздно. Поэтому Бенни медлила с приездом, надеясь, что за этот месяц получит финансирование от банка для своего бизнес-плана. Надеясь, что вернется домой к маме и Байрону и отчитается за все то время, что отсутствовала. Надеясь доказать, что была права, выбрав собственный путь, вместо того чтобы следовать советам родителей.

В то время как мать Бенни стояла, облокотившись на кухонную столешницу в Калифорнии, сгусток крови медленно продвигался снизу вверх в ее легкие. А Бенни все еще была в Нью-Йорке, где ее только что уволили с дневной работы и она, сев не на тот автобус, оказалась именно перед таким кафе, хозяйкой которого ей хотелось бы стать. Кафе, украшенное задолго до начала рождественских праздников, находилось по соседству с небольшим книжным магазином, и этого квартала еще не коснулась реконструкция.

Бенни вошла в кафе и сразу успокоилась, услышав, как звякнула о блюде толстая глазурированная чашка, как пронзительно завывла и заскрежетала кофемашина. Умиротворяюще подействовал даже аромат бекона, проникший под капюшон ее шерстяной накидки. Бенни не ела мяса, но ей пришлось признать, что в запахе бекона есть нечто притупляющее ностальгию.

Это кафе напомнило ей об одной старой калифорнийской закусочной, куда отец приводил ее с братом в детстве. На парковке там были кран и ведро, и папа разрешал детям помыть машину. Потом они оставляли ее высухать на солнце, а сами шли в закусочную подкрепиться. Такую еду подавали только в подобных местах. Это было задолго до того, как Бенни уехала учиться в колледж, потом в Европу, потом в Аризону, потом в Нью-Йорк. Тогда ей в голову не могло прийти, что она не поладит с отцом.

Ее папа умер шесть лет назад. Бенни скоро стукнет тридцать семь. Увы, она по-прежнему хаотично меняла работу, так и не сумев получить в банке кредит на открытие собственного кафе. Но подобно тем, кто умеет предсказывать изменение направления и силы ветра, Бенни предчувствовала грядущие перемены в жизни. Она сэкономила деньги, не падала духом, как

бывало еще год назад, и намеревалась предпринять еще одну попытку осуществления своих бизнес-планов. Тем более что она понятия не имела, чем ей еще заняться.

То кафе, на которое Бенни наткнулась в Нью-Йорке, закрывалось. На входной двери висело объявление. Если она сумеет заплатить за аренду, то поставит там кресла и кофейные столики с электрическими розетками для телефонов и ноутбуков. Она организует мягкое освещение, подберет теплые тона интерьера, освободит пространство в центре. Предложит очень краткое меню и лишь один фирменный десерт на каждый сезон. Ее зимним десертом будет мамин черный торт.

Бенни необходимо было срочно найти работу. Последнее увольнение здорово ей навредило, но все же она считала себя правой, поскольку отказалась лгать клиенту. Дело не в том, что Бенни не умела придерживаться скрипта кол-центра, как предположил ее начальник. Просто она поняла, что человеческим тебя делает готовность импровизировать. Проблема в том, что скрипты – как битвы. Надо выбирать, когда соглашаться с ними, а когда нет. И надо быть готовым испытать на себе последствия.

В тот раз Бенни ответила на звонок клиента стандартной фразой: «Меня зовут Сондра, чем я могу вам помочь?» В этой компании нельзя было называть свое настоящее имя. Выбиралось легкое для произношения прозвище, оно должно было звучать лучше, чем подлинное ваше имя, – ну хоть сравните мягкое, чуть носовое «Сондра» и «Сандра», с этим открытым «а». Бенни поднаторела в этих тонкостях, стараясь, чтобы клиенты в беседе с нею чувствовали себя комфортно. В этом ей помогал скрипт, в котором был список подходящих приветствий и перечень контрольных вопросов. Код ошибки, серийный номер, *минутку, пожалуйста*, и так далее, и тому подобное.

Бенни сообщила клиентке, что проблема состоит в несъемной печатающей головке, но, к сожалению, на данную модель гарантия больше не распространяется. Она добавила, что не стоит обращаться за помощью, поскольку одна консультация, без ремонта, обойдется клиентке в половину стоимости нового продукта.

«Надо же, я почти не пользовалась принтером», – удивилась клиентка.

«В этом-то и проблема, мэм, – сказала Бенни. – Техника такого рода не подходит для людей, которые не пользуются принтером ежедневно или, по крайней мере, регулярно».

До этого момента в разговоре Бенни еще придерживалась рекомендуемых формулировок.

«Но когда я покупала принтер, никто мне этого не сказал, – заявила клиентка. – Помимо того, что теперь я вынуждена спустя всего два года покупать новый принтер, это похоже на пустую трату материалов. Разве мы не должны стремиться к снижению отходов?»

«Да, мэм, полностью с вами согласна», – сказала Бенни.

По словам босса, который проходил мимо ее стола и услышал этот разговор, именно следующее высказывание Бенни стало причиной ее увольнения.

«Увы, – говорила Бенни, – мы живем на свалке электроники, начиная с принтеров и компьютеров и кончая неисправными мобильными телефонами, которые нас вынуждают менять на новые, более совершенные модели. И это, мэм, одна из основных причин ухудшения экологии, отчего в настоящее время страдает наша планета».

Бенни не забыла спросить: «Я могу чем-то еще вам помочь?»

Однако это ее не спасло, хотя она не сомневалась, что клиентка осталась в какой-то степени удовлетворенной, поскольку все, что нам нужно, – это признание другим человеком нашей правоты.

По крайней мере, начальник лично ее уволил. А бедняжка Джоани в свое время узнала об увольнении в тот момент, когда не сработала электронная карточка-ключ, открывающая дверь для персонала в ее офисе. Бенни было очень обидно за любимую подругу. Она даже явилась туда, чтобы высказать менеджеру, что она думает по этому поводу, после чего охранник вывел

ее на улицу. Но этот эпизод лишь усилил негодование Джоани. Она последними словами ругала эту долбаную работу, этого проклятого босса, эту трусливую Бенни, которая до сих пор не сказала родителям о Джоани. В который раз!

Бенни думала, что сможет увеличить доходы за счет продажи своих рисунков. Она не пыталась ничего продавать, однако люди, видевшие, как она делает наброски в разных кафе и аэропортах, а однажды в прачечной самообслуживания, предлагали за них плату – правда, смехотворную. Тогда она растиражировала рисунок из прачечной на плотной шероховатой бумаге, вставила копии в рамки и на заработанные деньги оплатила ренту за месяц.

Поначалу Бенни ощущала себя мошенницей, но потом ход ее мыслей изменился. Она училась рисовать, так ведь? И раз уж ей платили за рекламу по выходным в торговых центрах, когда она потела в карнавальном костюме, изображая какого-нибудь зверя, почему бы ей не получать хорошие деньги за рисунки? Она не пробовала этого раньше только потому, что не считала возможным.

Бенни достала альбом и положила его на столик. Рисование, как и кулинарные опыты, обычно проясняло голову, но сейчас она продолжала думать о папе и маме. Наверное, какая-то особая атмосфера была в этом кафе... Бенни собралась уходить, и в тот момент у нее созрело решение. Нынешней зимой она непременно вернется домой. Месяц прошел с тех пор, как мать оставила ей на мобильном голосовое сообщение.

«Бенедетта, пожалуйста, вернись домой».

Может быть, мама готова извиниться. Может быть, Бенни готова ее выслушать. К тому же мамин голос казался усталым. А мама никогда не говорила усталым голосом. Да, определенно, пришло время возвращаться.

Ожил телефон Бенни. Номер ее брата. Брат никогда ей не звонил. Все вдруг разом вступили в контакт друг с другом.

Прислонившись к стене своей старой спальни и чувствуя, как через свитер проникает холодок, Бенни не может отделаться от мысли: а вдруг сейчас она выйдет в коридор и увидит мать? Или отец заглянет в комнату с характерным прищуром: мол, что за странного цвета тут стены? Как хочется верить, что все еще можно исправить...

Байрон

Телефон Байрона вибрирует на кухонной столешнице, его экран вспыхивает – *раз-два, раз-два*, как молния, прорезающая толщу облаков. Байрон ощущает в себе такую же вибрацию. Где Бенни, черт возьми?

– Извините, я на одну секунду, – говорит он мистеру Митчу.

Он поднимается, чтобы выключить телефон, и узнает номер.

Линетт.

С тех пор как они разговаривали последний раз, прошло три месяца. Вероятно, она слышала о его маме.

В тот вечер, когда Линетт ушла от него, Байрон стер ее номер из списка контактов. Он с чувством удовлетворения нажал «Удалить», словно Линетт могла ощутить, как его презрение пульсирует в эфире, и это заставило бы ее пожалеть о поспешном разрыве с ним. Только позже до него дошло, что, перед тем как захлопнуть входную дверь, Линетт успела освободить свою половину стенового шкафа в спальне, положить свой ноут и зубную щетку в сумку, а недавно подаренные им серьги – на письменный стол в его кабинете.

Поначалу ничего из этих перемен Байрон не заметил, потому что вспыхнула ссора и все его внимание было сосредоточено на Линетт, которая яростно жестикулировала, заливаясь слезами. Последнее время она часто устраивала такие сцены. Плакала, кричала, приставала к нему с планами на будущее. Ну кто в наше время говорит о будущем? И вообще Байрону не

нравилось, когда на него давили. Разве для нее ничего не значит то, что они живут вместе? А его предложение опекать ее племянника Джексона тоже не в счет? Почему, что бы ни делал Байрон, ей всегда мало?

Формально Байрон стал встречаться с Линетт уже после окончания съемок документального фильма, над которым они оба работали. И все же, едва увидев ее, он решил: попытка не пытка. Он точно знал, чего хочет, когда в перерывах между съемками уводил ее поболтать в уголок, захватив со стола сэндвичи и фруктовые салаты, привезенные кейтеринговой компанией. Он преследовал вполне определенную цель, пригласив домой на барбекю режиссера и всю съемочную группу. Он понимал, что делает, глядя, как Линетт выходит из его дома на террасу, как от созерцания чудесного вида медленно раскрываются ее губы и она полной грудью вдыхает морской воздух.

Чересчур банально было бы говорить, что он не мог устоять перед ее очарованием, что его покорили ее пышные волосы, или изгибы тела, или шоколадные пальчики с крошечными бордовыми ногтями, летающие по клавиатуре ноутбука, или то спокойствие, с каким она передвигалась в суматохе съемочной площадки. Линетт отличалась от других людей тем, что существовала в ином пространственном измерении, и Байрону хотелось остаться там с ней наедине.

Под конец Линетт стала очень требовательной к Байрону, хотя поначалу ее многое в нем привлекало. На первых порах она, казалось, ничего не имела против его статуса, профессионализма, дома с видом на Тихий океан. Потом между ними стали возникать недоразумения, и она вдруг захотела, чтобы он перестал тащить домой рабочие проблемы.

Линетт, которая не встретила бы Байрона, не будь он продюсером того документального фильма.

Линетт, которая, как он догадывается, в других обстоятельствах даже не взглянула бы на него.

Линетт, чья шея пахла мускатным орехом.

Линетт, хлопнувшая дверью, когда уходила от него навсегда.

И теперь, впервые за три месяца, на экране его телефона вспыхивает номер Линетт. Может, дело совсем не в его маме? Может, Линетт что-то от него нужно? Спросить про маму – это просто предлог. Его друг Кабель назвал бы его придурком за такие предположения. Кабель сказал бы, что, конечно, Линетт звонит, чтобы узнать о маме. И он не стал бы стесняться в выражениях, если бы думал иначе.

Байрон позвонит Линетт позже. Или, возможно, не позвонит. Ведь это она его бросила. Он ощущает эту застарелую боль за грудиной. Он взбешен тем, что Линетт пытается к нему подобраться. Байрон бросает еще один взгляд на вспыхивающий экран смартфона, а потом отклоняет вызов.

Байрон и Бенни

Байрон хочет дослушать до конца послание матери, но Бенни вышла и бродит по дому. Она всегда говорила, что ей нужно в туалет, когда хотела сбежать и заняться чем-то другим. Он без труда находит сестру в ее старой спальне. Бенни напялила на себя допотопный университетский свитшот и прижимает что-то к груди.

Она смотрит на него, нахмутив брови. Он знает, о чем она думает.

– Кто она такая, Байрон? – спрашивает Бенни.

Байрон качает головой.

– Не имею понятия, – отвечает он. – Я тоже впервые слышу о том, что у нас была сестра.

– Я не про *сестру*. Я говорю о Кови. Кто она такая? – Бенни ежится. – Какое отношение она имела к нашей матери? Должно быть, они знали друг друга, раз у них было так много общего. Остров, море, черный торт. Ты так не думаешь?

– Не знаю, честно говоря.

– На прослушивание уйдет слишком много времени. Давай пойдем и попросим мистера Митча быстро все объяснить.

– Нет, ты же слышала – он не собирается ничего рассказывать. Давай вернемся и послушаем.

Она кивает. У нее сейчас обиженное лицо шестилетней Бенни, и Байрон опять еле сдерживается, чтобы не обнять ее. Нет, не надо забывать, что она больше не его маленькая сестренка. Это женщина, которую он не видел восемь лет, которая не приехала на похороны отца, не была здесь на семидесятилетнем юбилее матери. С момента встречи они не сказали друг другу и десятка слов. Очевидно, оба они сильно изменились.

Байрон достает связку ключей.

– Что это? – спрашивает Бенни.

– Мне пришлось поменять замки на входной двери. Это твой комплект.

– Но я никогда не вхожу через переднюю дверь.

– У нас ведь есть передняя дверь, так что возьми ключи.

– Что случилось? Кража со взломом? – Бенни протягивает руку.

Байрон качает головой:

– Землетрясение. Дверная рама покорежилась.

– Ах да, теперь припоминаю.

– Неужели? – скривив верхнюю губу, язвительно спрашивает Байрон. – В каком смысле припоминаешь, Бенни? Тебя здесь не было. И кстати, ты даже не удосужилась позвонить и узнать, что с нами.

– В этом не было необходимости. Мама мне сообщила.

– Мама? Ты говорила с мамой?

– Нет, не совсем. Она время от времени посылала мне сообщения.

– Ты поддерживала связь с мамой? Все это время? Я думал, вы совсем не общались.

– Я же сказала, что иногда получала от нее послания. На день рождения, на праздники.

И о землетрясении она сообщила.

– Но ты ни разу не приезжала повидаться с ней.

Бенни мотает головой:

– Она никогда не просила меня приехать. Даже не просила позвонить ей. Я пару раз звонила домой, но она не ответила. Не так давно я написала ей письмо, и она оставила мне короткое сообщение. Но ни словом ни обмолвилась о том, что больна.

Бенни хочет что-то добавить, но вместо этого снова качает головой.

– Последние несколько месяцев она принимала сильнодействующие лекарства. Конечно, она хотела тебя видеть. Она была очень обижена, понимаешь?

– Мама? Обижена? А как же я? Меня оттолкнули собственные родители.

– Они не отталкивали тебя, Бенни. Они были огорчены, потому что ты бросила их.

– Они огорчились не из-за меня. Мы оба знаем, почему они огорчились.

– А ты сделала только хуже. Ты уехала от них посреди каникул и даже ни разу не позвонила, чтобы извиниться. Ты не оставила им шанса. И я тоже очень огорчился, Бенни. Нет, постой, поправь меня. Я был страшно зол на тебя. Я до сих пор злюсь на тебя. А похороны отца, Бенни? Когда я позвонил тебе тогда, ты сказала, что приедешь.

– И я приехала на похороны, Байрон. Я проделала весь путь до Калифорнии, приехала на кладбище, просто...

– Что ты такое говоришь? Ты была там? Знаешь, мне показалось, я увидел тебя, но потом я сказал себе: «Нет, Байрон, тебе это померещилось». Значит, ты проделала весь этот путь, а потом у тебя хватило духу оставить нас одних?

– Вы с мамой не были одни, Байрон. Там была куча народу.

– И это твоя отговорка? Что, раз там было столько народу, тебе необязательно было присутствовать?

– Нет, я не это хочу сказать, просто я не могла...

– *Что* не могла, Бенни? Не могла *что*? Не могла вылезти из чертовой машины, чтобы прийти на похороны отца? Не могла вылезти из машины ради мамы и меня? А потом я получаю всего-навсего эсэмэску: «Мои соболезнования»?

– Все не так просто, Байрон.

– Нет, все не так сложно.

Байрон поворачивается и собирается выйти из комнаты, но тут замечает предмет в руках Бенни. Это мамина старая пластиковая мерная чашка. Он возвращается и отбирает у сестры чашку.

– Нет, Байрон! – кричит Бенни, спеша за ним по коридору. – Байрон!

Одной рукой она тянет его за свитер, другой пытается отобрать чашку.

– Перестань, – отрывая Бенни от своего свитера, говорит Байрон. – Это кашемир.

– Кашемир? – переспрашивает Бенни. – Это *кашемир*? Ты издеваешься надо мной, Байрон?

– Это нелепо! – Байрон сует чашку в руки Бенни. – Держи, если тебе от этого легче. Ты, наверное, чувствуешь себя хорошей дочуркой, раз хранишь эту чашку на память? Где, на хрен, ты была все эти годы, Бенни?

– Ведь на самом деле тебя это не волнует, Байрон, да? Ты не хочешь ничего слышать. Просто хочешь напомнить мне, что ты – Байрон Беннет, идеальный сын, которым все восхищаются и которого все принимают. А знаешь что? Не такой уж ты идеальный. На человеческие чувства способен только тот, кто понимает, что и у другого человека есть сердце.

Байрон ошеломлен. Вот как она о нем думает! Бенни вправду так считает?

– Почему ты не позвонил мне раньше, а, Байрон? Если мама была так серьезно больна?

– Почему я не позвонил *тебе* раньше? Ты хоть понимаешь, что говоришь? Знаешь, что сказала бы мама, услышав это? – Байрон поворачивается и идет по коридору, бормоча себе под нос: – Это совсем не в духе Беннетов. – Потом морщится. Он очень похож на отца.

Бенни кричит ему в спину:

– Неправда, Байрон! Это как раз в духе Беннетов. Не допускаются никакие промахи, нет места для взаимопонимания, нельзя иметь другое мнение.

Байрон останавливается, замирает на месте, но не оборачивается.

– Знаешь, я привыкла думать: это потому, что мы черные, – говорит Бенни. – Наши родители хотели, чтобы мы работали с двойным усердием, стали безупречными и добились-таки успеха. Но теперь-то я понимаю: наша безупречность и наш успех должны были прикрыть колоссальную ложь, на которой строились отношения в нашей семье.

Наконец оказавшись в гостиной, Байрон не обнаруживает там мистера Митча. Байрон слышит, как течет вода в гостевой ванной комнате. Ему невдомек, что мистер Митч просто стоит там, прислонившись к пыльной розовой стене и закрыв глаза, и делает вид, что не слышит всей этой перебранки.

Потерянные

Чарльз Митч видел и кое-что похуже. Ему встречались братья и сестры, которым было наплевать друг на друга. Родственники, озабоченные лишь своей долей наследства. Он понимает, что Байрон и Бенни не из таких, тем не менее между ними идет борьба. Они потеряли мать и, похоже, никак не могут найти общий язык. Да, Элинор предупреждала его, что все может обернуться именно так, тем более что в детстве Байрон и Бенни были неразлучны.

Прежде мир для Бенни заключался в ее брате. Когда он стал другим человеком? Или он всегда был таким? Байрон обвиняет Бенни в нежелании поддержать своих родных. А как насчет Бенни? Байрону, который привык к всеобщему восхищению, когда-нибудь приходило в голову, что Бенни в иные моменты тоже нуждается в поддержке?

Байрон не знает, что ему делать с Бенни. С ее приезда они не сказали друг другу ни единого доброго слова. Ее настроение меняется каждую минуту; она то проявляет враждебность, то требует внимания. Но в этом нет ничего нового. Бенни всегда делает из мухи слона. Это тянется уже давно, с тех пор как Бенни отчислили из колледжа. Ага, именно тогда это и началось.

Как добиться отчисления из колледжа

Бенни поступает в колледж мечты своих родителей.
Бенни в семнадцать – лучшая ученица группы.
Бенни проявляет интерес к союзу темнокожих студентов.
Бенни не совсем темнокожая. Бенни не совсем белая.
Бенни не совсем гетеросексуалка. Бенни не совсем лесбиянка.
Бенни одна в субботнюю ночь.
Бенни в постели, вся покрытая синяками.
Бенни подписывает документы в администрации.
Бенни спускается по мраморной лестнице.
Бенни отчислена из колледжа в девятнадцать лет.

О чем не говорят вслух

Как-то на третьем курсе колледжа Бенни была приперта к стенке двумя студентками, видевшими, как она флиртует с парнем из афроамериканского союза. Разборки происходили в общежитии. Студентки обозвали ее предательницей. Одна из них затолкала Бенни в свою комнату, и, когда та споткнулась о металлическую ножку кровати, девушка стала пинать Бенни в лицо.

Скорее не удары мешали Бенни подняться, а шок от происходящего. В конце концов, в ней было росту шесть футов, и хотя она не так сильно, как родители и Байрон, увлекалась серфингом и плаванием, но все же занималась спортом и выросла довольно крепкой.

В конечном счете она отделалась синяками, которые так или иначе сошли. Но глубокая обида не проходила, поэтому Бенни приняла решение уйти из колледжа. Она-то рассчитывала, что, несмотря на несходство между ними, эти девушки поддержат ее, а они на нее набросились. Та, которая пинала упавшую на пол Бенни, однажды танцевала с ней в студенческом пабе, потом прижала ее к темной стене, пропахшей пивом и кроссовками, и поцеловала. Обе они заулыбались, а после вернулись на танцпол.

О таких вещах человек не говорит вслух. Незачем кому-то знать, что поначалу она радовалась, познакомившись в кампусе с этими студентками выпускного курса. Однако, вместо того чтобы протянуть Бенни руку дружбы, они отвернулись от нее. И пока одна девушка била Бенни ногами в лицо, другая даже не пыталась остановить ее. Но Бенни никогда не донесла бы на них. Она никому не хотела давать шанс оглядывать ее с ног до головы, как это иногда делают люди, и говорить: *вот видите?*

Покинув колледж, Бенни сначала вернулась домой в Калифорнию, потом поехала в Италию, а затем в Аризону. На каждом этапе она всей душой стремилась к новой цели, но старалась особо не поддаваться эмоциям.

Аризона показалась ей хорошим местом для старта, раз уж она вознамерилась посещать художественный колледж. Она забралась как можно дальше от оставленного ею на северо-востоке университета, желая поскорее забыть обо всем, что с ним связано. Бенни хотела изучать то, что интересно ей, а не ее родителям. За время обучения она поймет, куда двигаться дальше, как найти свое место в деловом мире.

Бенни воодушевляли широкие и на первый взгляд бесплодные пространства, которые при ближайшем рассмотрении кипели жизнью. Мохнатые листья бархатистого мескитового дерева. Сине-зеленая кора и желтые цветки голубого пало-верде¹². Щетинистые пекари, пятнистые аризонские ядозубы, молодые гремучие змейки, щелкающие крошечными хвостами, как бы предупреждая о скрытой в них мощи.

В Аризоне была отличная художественная программа, она вполне устраивала Бенни, а ее оценки позволили ей без особого труда поступить в колледж. И там Бенни познакомилась с Джоани, аспиранткой, проходившей ассистентскую практику на кафедре керамики. У нее был острый подбородок и волнистый конский хвост; он-то и привлек внимание Бенни, когда мимо нее по коридору прошла девушка в испачканном глиной комбинезоне.

Потом Бенни увидела голубую вазу. В конце первого семестра она вместе с другими студентами пришла на вечеринку в таунхаус Джоани. В гостиной холодил ступни голый цементный пол. Единственным ковровым покрытием здесь был бордовый настенный коврик, под ним на полу Джоани выставила на обозрение свою керамику. Гости сгрудились перед громадной голубой вазой.

Эту вазу только с натяжкой можно было назвать голубой, но все согласились с тем, что, по крайней мере, ее расцветка относится к синей части спектра. Бенни без малого час просидела, уставившись на арт-объект высотой в половину человеческого роста, переводя взгляд с изумрудного дна на яркую небесно-голубую середину и выше, к бледно-аквамариновым всплескам. У верхней кромки проступали крапинки золота и янтаря, и, наконец, часть горлышка и ободок оставались незакрашенными, сохраняя естественный красноватый тон керамики. Бенни долго созерцала вазу, потом глянула на Джоани. И та послала ей в ответ улыбку, смысл которой Бенни скоро постигла.

Они встречались уже четыре года, но Бенни так и не рассказала родным о Джоани, и ее скрытность в конце концов привела к конфликту. Джоани была на десять лет старше, она «уже это проходила». «К тому же, ради всего святого, мы живем в двадцать первом веке», – говорила она. Бенни старалась загладить свою вину перед ней. Она заполнила кухню Джоани – определенно, более симпатичную, чем ее собственная, – специями, готовила для нее соте. Рассылала имейлы для рекламирования выставок подруги. Каждую пятницу по вечерам поджидала Джоани у офиса, где та подрабатывала, и они вместе отправлялись ужинать пиццей.

Джоани, казалось, принадлежала к тем людям, которых совершенно не задевает чье бы то ни было пренебрежение. Так думала Бенни, пока они обе не перешли некую невидимую черту. И теперь настал ее черед гадать, что могло означать поведение подруги.

Приближались зимние каникулы, пора было строить планы на отпуск. И вдруг Джоани звонит и заявляет, что Бенни берет на себя слишком много, что она душит ее своими заботами, тогда как Джоани ни о чем не просила, кроме одного. Бенни помчалась к дому подруги. Едва та впустила ее, как Бенни увидела, что голубая ваза и еще пара предметов исчезли, их место на полу пусто. Еще Бенни заметила настенный коврик, свернутый в трубку и перевязанный бечевкой, а также картонные коробки, выстроившиеся у кухонной столешницы. Джоани сообщила Бенни, что решила перебраться в Нью-Йорк и заняться там преподаванием и что уедет перед Днем благодарения. Вот так-то, нет больше Бенни и Джоани.

¹² Голубой пало-верде, или паркинсония флорида, – один из символов штата Аризона. Название этого «разноцветного» дерева в переводе с испанского означает «зеленый шест».

Но это же только на время, говорила себе Бенни, отъезжая на машине от дома Джоани и вцепившись в руль изо всех сил. Это только на время, твердила она себе всю следующую неделю, когда гнала домой, в Калифорнию, стараясь следить, чтобы стрелка спидометра не перевалила за отметку девяносто миль в час.

Беннетты

День благодарения, 2010 год, здесь, в этом доме. Когда отец Бенни наконец уловил, о каких именно личных отношениях она пытается рассказать, он повысил голос. А папа был не из тех, кто часто выходит из себя. Она хотела вставить хоть слово, но он продолжал свою гневную тираду, не слушая ее. Потом вскочил.

– Не понимаю, как ты умудряешься вести приличную жизнь в таком бардаке! – рявкнул Берт.

– Приличную? – переспросила Бенни. – Ты хочешь сказать, что я потеряла всякое приличие?

– Тоном ниже, юная леди! – отрезал Берт.

– Папа, это ты на меня кричишь. Ты сам спросил, встречаюсь ли я с кем-нибудь. Ты сам предложил привести этого человека домой. Я всего лишь пыталась объяснить, что это может быть либо *он*, либо *она*.

– Значит, мы с твоей матерью должны радоваться тому, что ты спишь с кем попало?

– Я не сплю с кем попало, папа. Я четыре года была с одной женщиной. И до этого встречалась всего с парой человек. Но дело не в этом...

– Дело в том, что ты даже не знаешь толком, чего хочешь.

– Нет, знаю, папа. Я такая, какая есть. Я Бенни.

В глазах родителей появилось выражение, какого она никогда прежде не видела. Все затихло, как за секунду до закипания чайника. Она бросила взгляд на Байрона, но он продолжал сидеть, потупившись. Похоже, он не собирался ее поддерживать. Бенни боялась, что этим и кончится. Она задышала более размеренно. С каждым вдохом боль недавних воспоминаний проникала все глубже, и когда она, казалось, пронзила сердце насквозь, Бенни неожиданно для себя произнесла:

– Это ты не знаешь, папа. – Она с трудом сдерживала дрожь в голосе. – Не знаешь, любишь ли еще меня.

При этих словах отец отвернулся от нее и пошел прочь из комнаты.

Мать кинулась за ним, бормоча:

– Берт, Берт...

Бенни не хотела бы отмечать День благодарения в одиночестве, но сможет ли она остаться дома, после того как отец упрекнул ее в «неприличии» и ушел, а мать, едва не плача, поспешила за ним? И как теперь ей, Бенни, вести себя с толпой гостей, приглашенных на ужин?

Беннетты обыкновенно входили в свой дом и выходили из него через заднюю дверь, которая открывалась прямо в кухню, но сейчас парадная дверь была ближе, и, не желая пересекать весь дом, Бенни направилась напрямик к ней. Тугая дверь подалась не с первого раза, так это обычно и бывало, поэтому все домочадцы предпочитали черный ход. Наконец, рывком распахнув дверь и не сказав никому ни слова, Бенни вышла.

Она оставила дверь открытой, думая, что брат догонит ее, но он этого не сделал. Позднее, добравшись до квартиры в Аризоне, она проверила сообщения, надеясь, что Байрон свяжется с ней и пожурит: «О чем ты только думала, черт возьми?» Но он ничего не написал. По крайней мере, долгий путь обратно в Аризону имеет свои преимущества. Когда Бенни поздно вечером свернула на свою улицу, праздник уже закончился, и она была не единственной в квартале, кого видели бредущей по тротуару. Повернув ключ в замке, она включила свет в пустой квартире.

Бенни старалась утешить себя тем, что многие люди никогда не празднуют День благодарения.

Проблема состояла в том, что Бенни была воспитана иначе. Этот день ее родные традиционно проводили вместе с друзьями, произнося слова благодарности за все хорошее в своей жизни. Самым важным было собраться вместе, а Бенни просто лишили такой возможности.

В последующие недели иногда звонил ее городской телефон, загоралась панель определителя номера со словами «частный звонок», и Бенни нажимала клавишу для ответа, но никто не отвечал. Бенни говорила себе, что звонит мать, потому что отец не позвонил бы. Иногда после паузы агент по продажам приветствовал ее тем бодрым тоном, который обычно «включает» человек, ожидающий отказа.

Бенни всегда отказывала агентам вежливо, поскольку понимала, что они всего лишь рассчитывают заработать на жизнь, пытаются прожить очередную неделю, просто надеются на знаки одобрения.

Надеются на одобрение... Бенни кое-что знала об этом.

В тот же вечер она принялась разбирать свои вещи. Что-то надо взять с собой в Нью-Йорк, что-то отдать в благотворительную организацию. С одной стороны, повод расстаться с барахлом, с другой – почувствовать, что делаешь кому-то добро. Вскоре после этого Бенни отправилась в Нью-Йорк в надежде, что со временем Джоани простит ее, и даже не удосужилась сообщить родным свой новый адрес. Во всяком случае, у них был номер ее мобильного, но они не спешили звонить, узнав из ее сообщения, что она проведет Рождество не дома, а в другом месте.

Байрон в телевизоре

После ее переезда в Нью-Йорк брат Бенни стал настолько популярным, что она при желании могла бы видеть его в ежедневных теленовостях, вечерних ток-шоу или в своем ноутбуке. В последнее время Бенни смотрит документальный фильм о Байроне в смартфоне по ссылке. За братом всюду следует съемочная группа. Телевизионный Байрон кажется Бенни более доступным, чем тот, что сидит в гостиной с мистером Митчем.

Телевизионный Байрон рассказывает интервьюерам, что подавляющая часть Мирового океана остается неизведанной, что информация о глубине морей и профиле морского дна может использоваться во многих областях. Прогнозирование цунами. Контроль загрязнений. Добыча ресурсов для производства электроники, которой люди пользуются каждый день. «Все, что нам необходимо знать о нашем прошлом и будущем, находится здесь, – говорит Байрон на камеру, указывая на экран с изображениями дистанционного зондирования. – И возможные ответы на вопросы о том, кто мы такие и куда движется человечество, будут тестироваться с помощью технологии такого рода».

Роботы в морских глубинах помогают ученым выполнять основные задачи картографии, но Байрон говорит, что увеличение потока информации станет громадным испытанием для честности и добросовестности в глобальных масштабах. Необходимо делиться знаниями о каждой новой технологической разработке. Необходимо уважать договоренности. В противном случае возникнет опасность, что главной силой окажется человеческая алчность, как это было на суше.

«Что, если бы у меня при доме был сад и огород, – говорит он, – и всякий раз, когда к ужину нужна была бы кукуруза или томаты, я вытаскивал бы растения с корнем? Или срубал плодовое дерево, чтобы снять, к примеру, несколько яблок? Ну, вы сказали бы, что это лишено смысла, так ведь?»

Теперь Байрон указывает на полноэкранное изображение идиллического морского пейзажа: «Нам надлежит более бережно обращаться с нашими подводными ресурсами, потому

что там находится самый обширный сад, какой только есть на Земле. Он может показаться бескрайним, но это не так. Нам следует оберегать морское дно, дать подводному саду пышно цвести».

Все то, что поначалу могло обернуться против молодого ученого-океанолога, в итоге превратило его в любимца СМИ. Байрон рассказывает о таких вещах, как гидролокация, топография и гидротермальные источники, языком, доступным для понимания обычных людей, он выглядит как модель, демонстрирующая высококлассную дизайнерскую одежду, и, разумеется, он темнокожий.

Байрон закончил свою докторскую диссертацию примерно в то время, когда наступил золотой момент для этнических меньшинств, когда их представителей поощряли получать степени STEM¹³, хотя им не всегда доставались должности с хорошим потенциалом для профессионального роста. У Байрона была весьма специфическая идея по поводу своей карьеры. Он стучался во все двери, и, когда наконец перед ним распахнулась дверь одной недавно созданной организации («Неужели не слышала это название, Бенни?»), он прошел напрямик через приемную и получил работу своей мечты. Во всяком случае, так он рассказывал сестре.

Байрон поймал мяч и, не выпуская его из рук, продолжал гонку, а социальные медиа вели его оставшуюся часть пути. Вот хештеги, часто сопутствовавшие #Байрону Беннету: #океан #наука #под водой #приливы и отливы #цунами #глобальное потепление #окружающая среда #опасные геологические явления #нефть #газ #грубопровод #минералы #добыча полезных ископаемых #защита #афроамериканец #научные исследования и #холостяки.

Отслеживая Байрона онлайн, Бенни временами не верила, что они не виделись годами и целую вечность не разговаривали. Приходилось напоминать себе, что у нее больше нет брата, который может позвонить запросто, чтобы сказать «привет», который захочет узнать, как она поживает. У нее нет брата, который может, услышав среди ночи звонок и просьбу о помощи, сесть в самолет, постучать в ее дверь и крепко обнять.

Она понимает, что отчасти сама виновата в этом. Но ведь сейчас она здесь, правда? И все же, получается, Бенни может орать во всю глотку, а Байрон в другом конце коридора не услышит ее. Или сделает вид, что не услышал.

Байрон

Байрон и мистер Митч ссутулились в креслах и уткнулись в свои смартфоны, ожидая возвращения Бенни в гостиную. Байрон делает вид, что не ругался с сестрой, а мистер Митч притворяется, что не слышал этой перепалки.

Звонит телефон Байрона, и он видит, что это снова Линетт. На сей раз он отвечает:

– Линетт, как поживаешь?

– Нет, скажи лучше – как *ты* поживаешь? Я так сожалею о твоей маме, Байрон...

Странно, что этот преувеличенно вежливый разговор происходит после трех месяцев молчания, после их расставания. Нет, не так. После того, как Линетт бросила Байрона. Но сейчас, слыша ее голос, он рад, что она сделала попытку связаться с ним. Она действительно нравилась его маме.

Линетт обещает прийти завтра на отпевание.

– А мы сможем после этого поговорить? – спрашивает она. – У тебя будет время? Посидим где-нибудь вдвоем?

– Конечно, если хочешь, – отвечает Байрон.

¹³ STEM (от англ. *science, technology, engineering and mathematics*) – наука, технологии, инжиниринг и математика. Термин, используемый для объединения этих академических дисциплин.

– Да, – подтверждает Линетт, – хочу. На самом деле мне надо поговорить с тобой кое о чем.

Ах вот оно что... Значит ей действительно что-то от него нужно.

Линетт, Линетт, Линетт.

Обычно говорить с ней было легко. Но те счастливые дни давно миновали, потом начались ссоры, и она ушла от него. Сейчас Байрон очень хотел бы побеседовать с кем-то вроде прежней Линетт. Он рассказал бы ей о маминой аудиозаписи, о черном торте, засунутом в морозилку. Прежняя Линетт посмеялась бы насчет торта. Она сказала бы: «Это так похоже на твою маму, Байрон». И это рассмешило бы Байрона тоже, несмотря на горькую утрату, на пустоту в груди.

Начать с того, что Бенни увлеклась выпечкой благодаря маме и ее черному торту. Байрон не понимал, почему родители так удивились, когда Бенни заговорила о своем желании поехать в Европу на кулинарные курсы. Правда, они, конечно, были ошарашены, когда незадолго до этого Бенни бросила колледж, отказавшись обсуждать свое решение.

«Просто это не совсем мое, – твердила она. – Мне нужно попробовать что-то еще».

«Дайте ей время», – сказал тогда Байрон родителям.

Потом Бенни заговорила о национальных кулинарных традициях и интересующих ее рецептах, и Байрон уцепился за это. Он предложил Бенни восстановиться в колледже и выбрать специальность, хоть сколько-нибудь связанную с ее увлечением, например антропологию. Но Бенни только качала головой. Потом она уехала, а когда вернулась, решила изучать искусство. Байрон недоумевал: на какие средства Бенни собирается жить?

Было время, когда Бенни обсуждала с ним свои идеи, но сейчас она изменилась – в ней будто что-то надломилось. Лишь в кухне с мамой она становилась прежней, и он снова видел в ней свою младшую сестру.

Мать повторяла, что испечет черный торт к свадьбам Байрона и Бенни, но ее дети не спешили связывать себя узами брака. Вообще-то, Байрону приходилось признать, что мамин торт был произведением искусства. Откусываешь, а он такой плотный, вязкий, пропитанный, а какой вкус, какой аромат крепкого алкоголя! Однако Байрон никогда не разделял эмоциональной привязанности родителей к этому кулинарному рецепту. *Традиция*, говорила, бывало, мама. Но чья конкретно традиция? Черный торт был, по сути, рождественским плам-пудингом, переданным жителям Карибского региона колонизаторами из северной страны. Зачем присваивать кулинарные рецепты эксплуататоров?

Традиция? А как насчет кокосовой гиззады?¹⁴ Как насчет мороженого из манго? А как же джерки¹⁵ из свинины, рис с горошком, перец чили «шотландский берет», кокосовое молоко, желтые плантайны¹⁶ и вся та вкуснятина, которой наслаждался Байрон благодаря стряпне матери? Вот это и называлось островной едой. Но нет, маме было мало этого. Именно при упоминании о черном торте в ее голосе звучали бархатистые нотки. А в глазах появлялся блеск.

Когда папа умер, мама положила ему в гроб то, что осталось от черного торта, испеченного на годовщину их свадьбы. Однако она продолжала хранить в нижнем кухонном шкафчике банку сухофруктов, замоченных в роме и портвейне. Она всегда помнила о Рождестве. Каждую зиму предвкушала, как будет вместе с Бенни готовить черный торт, – даже когда дочь стала жить отдельно. Но после того как Бенни ушла от них в тот День благодарения, мама никогда больше не делала этот раритетный десерт. Ну, во всяком случае, Байрон так считал.

¹⁴ *Гиззада* – ямайский десерт; хрустящая тарталетка со свежим кокосом, маслом, имбирем, нугой.

¹⁵ *Джерки* – тонкие пластинки подсушенного вяленого мяса; изобретение индейцев-кечуа.

¹⁶ *Плантайны* – так называемые овощные бананы, из которых готовят гарнир.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.